М. СПЕКТАТОР

Т72 1/34

ТЕОРИЯ АГРАРНЫХ КРИЗИСОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЖДУНАРОДНЫЙ АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ»
МОСКВА ★ 1929

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Стр.

Глава I Проф. М. Зеринг о послевоенном с.-х. кризисе . . 5

Глава II Теория аграрного кризиса 29

1. Сельское хозяйство и промышленность. 29

2. Цикличность аграрного кризиса 47

3. Аграрные кризисы за прошлое столетие 58

Глава III Некоторые вопросы теории аграрного кризиса . . . 64

Глава IV Ленинизм или «булгаковщина»? 78

Глава V К вопросу о взаимоотношениях между с.х. и промышленностью 102

Глава VI К методологии вопроса об аграрном кризисе. . . 115

ТИПОГРАФИЯ
И ОФСЕТ-ПЕЧАТНЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА»
МОСКВА, СУЩЕВСКАЯ
ДОМ № 21.

№ 9199
12 - III 1930 г.

Заказ № 779

Главлит № А—42235 Тираж 4.000.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Послевоенные аграрные кризисы вызвали повышение интереса к теории аграрного кризиса.

Эти вопросы оживленно дискутируются и в научных собраниях, и в периодических органах печати.

Для того, чтобы дать представление об одной из точек зрения, выставленной в этих дискуссиях, Издательство выпускает настоящую работу тов. Спектатора.

Издательство надеется в других своих изданиях дать возможность выявиться и другим точкам зрения, с тем, чтобы затем иметь возможность подвести итог всей дискуссии.

Изд-во «Аграрные Проблемы»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема аграрного кризиса, хотя она занимает центральное место в экономике сельского хозяйства, оставалась до сих пор почти не затронутой в экономической литературе. Ею так мало занимались, что некоторыми из наших экономистов простое переложение теории первой формы дифференциальной ренты было принято, как «теория аграрных кризисов»... Работая над вопросами, связанными с развитием послевоенного капитализма, я столкнулся также с проблемой аграрного кризиса и попытался дать марксистский анализ ее, сначала в предисловии к работе Зеринг (первая глава этой брошюры [1]), а затем в третьем томе своего труда «Мировое Хозяйство до и после войны» (вторая глава). Так как я там отступил от общепринятых взглядов, введенных в политическую экономию К. Каутским, то моя теория аграрного кризиса вызвала возражения, на которые я ответил в своем выступлении в ИКП (третья глава) и статьей в «Аграрных проблемах» (четвертая глава). Одновременно выступил и П. И. Лященко со своей теорией аграрных кризисов, критику которой, с одной стороны, и методологическое обоснование нашей постановки вопроса — с другой, я дал в своем докладе в семинаре МАИ (шестая глава). Наконец, я счел необходимым дать и критику последней работы одного американского ученого по вопросу о взаимоотношении между с. х. и промышленностью (пятая глава).

Конечно, сказанным в этих главах проблема далеко не исчерпана; но мы поставили вопрос об аграрных кризисах и оживили дискуссию по этому вопросу. Ряд наших экономистов работает теперь над ним, и мы уверены, что он найдет по возможности полное и правильное освещение. Теоретическое выяснение проблемы с.-х. кризиса — необходимая предпосылка правильной тактики победившего пролетариата по отношению к огромному большинству населения, к крестьянству, союз с которым является условием и фундаментом нашего социалистического строительства. Поэтому мы и считаем, что издание всех наших статей по этому вопросу облегчит дальнейшую работу над этой чрезвычайно важной проблемой.

Москва, конец мая 1929 г.

---

[1] Эта и другие уже опубликованные работы передаются здесь в несколько сокращенном виде, чтобы избежать повторений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Проф. М. Зеринг о послевоенном с.-х. кризисе

Под аграрным кризисом Зеринг[1] понимает «то образование цен, то вытекающее отсюда соотношение между доходами, расходами и налогами, которое многим земледельцам грозит потерей всего их имущества, а целым округам — обезлюдением». Отличие аграрных кризисов от общих кризисов он видит в том, что «земледелие не испытывает тех быстрых переходов от подъема к кризису, того регулярно повторяющегося кругооборота от расцвета к застою, который характеризует промышленное развитие в эпоху расцвета капитализма».

Объяснение этому явлению он ищет в том, что в «земледелии нет того простора, который для энергии предприимчивого человека открывают промышленность и пути сообщения». Почему, однако, возможность большей предприимчивости или большей концентрации капитала, как он указывает дальше, делает необходимым периодическое чередование кризисов с промышленным оживлением? И в указании Зеринга на то, «что земледелие находится в зависимости от медленного органического растительного процесса, протекающего на разбросанных пространствах, что оно работает, удовлетворяя мало колеблющиеся потреб-

---

[1] Речь идет о его работе: Agrarkrisen und Agrarzölle, Berlin und Leipzig 1925, на русск. языке «Аграрные кризисы», Госиздат, 1927 г.

ности», трудно найти объяснение, почему земледелие не может испытывать цикличных кризисов. Зеринг считает, что цены на сельскохозяйственные продукты определяются производственными расходами последней тонны. Зеринг не отрицает далее, что известное сокращение потребления наступает во время промышленных кризисов. Почему же при общих кризисах не должно наступить понижение цен на сельскохозяйственные продукты, т.-е. не должен наступить и сельскохозяйственный кризис?

Выясняя современный кризис, Зеринг приводит большое количество весьма ценного материала, показывающего значение падения потребления в европейских странах для Соединенных Штатов. Для подтверждения своей мысли он ссылается на авторитетное заявление американских официальных лиц и исследователей этого вопроса, которые заявляют, что вместе с оживлением потребления в Европе, главным образом в Германии, улучшилось положение американского сельского хозяйства.

Несмотря на весь этот богатый материал, хорошо подобранный и проанализированный, и на упомянутые официальные заявления, мы все-таки позволим себе усомниться в правильности этой точки зрения. Не отрицая вообще значения европейского рынка для американского сельского хозяйства, мы тем не менее должны констатировать следующий момент: на самом деле экспорт хлебов из Америки в первые годы после войны не уменьшился, а увеличился. Это знает также и Зеринг. Для иллюстрации этого факта приведем несколько примеров: экспорт пшеницы, составлявший в 1913 г. 99,5 млн. бушелей, дошел в 1920 г. до 218,3 млн., в 1921 г. — до 280,1 млн. бушелей, и только начиная с 1922 г., дает значительное понижение — до 164,7 млн., в 1923 г. падает до 98,5 млн., в 1924 г. несколько поднимается — до 166,3 млн. бушелей. До войны в 1909—1913 гг.. экспортировалось 15,2% производимой пшеницы, в 1920 г. — 43,9%, в 1921 г. — 34,3% и в 1922 г. — 25,6%. Общий

экспорт сельскохозяйственных продуктов по довоенным ценам исчислялся следующим образом [1]:

В среднем в год	Общий экспорт (включая и шерсть)	Продукты скотоводства (без шерсти)	Растительн. продукты	Хлопок
	(в миллионах долларов)			
1910—1914 .	1.031,8	175,0	303,6	551,9
1915—1920. .	1.342,3	374,3	567,3	399,1
1921—1924 .	1.270,5	286,3	586,1	396,3

Из этих данных видно, что по сравнению с довоенным временем мы имеем повышение экспорта даже в эти годы на 23%, при чем экспорт растительных веществ увеличился гораздо значительнее, почти в два раза (на 93%).

Далее, 1921 г. дает общее повышение по отношению к 1920 г., а именно: в 1920 г. было вывезено все по ценам довоенного времени, и только следующие годы дают понижение. Перед войной экспорт составлял около 14%, а в 1921—1924 гг. — 15% всей стоимости сельскохозяйственной продукции. Следовательно, в годы, когда наступил кризис, экспорт увеличился. Правда, это увеличение могло совершиться только благодаря кредитам европейским государствам со стороны правительства САСШ, и понижение цен наступило после прекращения этих кредитов. Но, как бы то ни было, факт тот, что с рынка были сняты довольно значительные количества хлеба и что, следовательно, давление этих излишков на внутреннем рынке не должно было иметь места. Что же вызвало падение цен в самой Америке? Что экспортные цены должны были понизиться, это само собой разумеется, так как оказалось, что экспортные цены в Америке были выше цен на английском рынке. Так, экспортные цены на пшеницу

[1] «Commerce Yearbook» 1924 г., стр. 105.

в Соединенных Штатах и на английском рынке составляли [1]:

Годы	Экспортные цены в САСШ	Средние цены на английском рынке
	(в центах за бушель)	
1919	241	219
1920	273	243
1921	155	173

Отсюда видно, что при таком состоянии цен в Соединенных Штатах экспорт в Европу был немыслим, и понижение цен было совершенно естественным следствием создавшегося положения. Но весь вопрос заключается в том, было ли вызвано понижение цен только необходимостью экспорта. Зеринг основывается на том, что цены на внутреннем рынке определялись экспортными ценами. Для подкрепления своей мысли он ссылается на то, что цены на продукты питания, которые предназначены для сбыта европейскому населению, понизились, в то время как цены на продукты, потребляемые на американском внутреннем рынке (молоко, масло, яйца, картофель), держались на общем уровне товарных цен. Цены на хлебные злаки (ячмень, овес), свинину, убойный скот в то же время пали почти до уровня цен довоенного времени. «В этой несогласованности цен заключается сущность нового аграрного кризиса». Зеринг упустил из виду то обстоятельство, что цены на молочные продукты как раз начинают падать раньше, чем цены на другие съестные припасы — хлеб и т. д. Цены на мясные продукты — на солонину, баранину — начинают падать с июля 1919 г., а цены на молочные продукты — с де-

[1] «Department of Agriculture Yearbook» 1922 г., стр. 605 и «Statistical Abstract of the United States» 1924 г., стр. 314.

кабря 1919 г., в то время как цены на пшеницу начинают падать только с мая 1920 г. Это показывает, что аграрный кризис по существу начинается уже гораздо раньше, и начинается он отчасти с продуктов высококачественного потребления, которые шли для армии, а отчасти — с молочных продуктов, цены на которые начинают падать уже с конца 1919 г. Цены на молоко не показывают в 1920 г. почти никакого повышения по отношению к 1919 г., а в 1921 г. отмечается уже довольно резкое понижение, не менее резкое, чем цены на мясо; цены на масло тоже весьма значительно уменьшаются. Цены на сыр показывают уменьшение уже в 1920 г. по отношению к 1919 г. Словом, несомненно, что кризис в этой области начинается гораздо раньше, чем в области продуктов, которые вывозятся.

Верно, однако, и указание Зеринга на то, что общее падение цен на продукты внутреннего потребления относительно более слабое, чем на экспортные продукты, преимущественно на хлеб. Но объяснение лежит в другой области. Дело в том, что в Америке произошло резкое понижение потребления хлеба и некоторое увеличение потребления молочных и мясных продуктов. По вычислениям специальной монографии исследовательского института по продовольствию (Wheat Studies, июль 1926 г.) потребление пшеничной муки в Соединенных Штатах показывает тенденцию к понижению. С 1879 по 1904 г. оно уменьшилось на 2%, считая на душу населения, с 1904 по 1919 г. — на 10%, а за последние 4 года — по 1923 г. — на 12%. В абсолютных величинах оно составляло: в 1879 г. — 56,7 млн. баррелей, в 1904 г. — 93,4 млн., в 1914 г. — 104,9, в 1919 г. — 106,7 млн., в 1921 г. 96,4 млн., в 1923 г. — 99,5 млн. и в 1925 г. — 106,2 млн. баррелей. Эти данные в достаточной мере объясняют нам падение цен в Америке, ибо в то время как здесь мы замечаем уменьшение потребления на 10 млн. баррелей, экспорт хлебов из Америки увеличивается. Следовательно, падение цен вызывается с о к р а щ е н и е м

внутреннего потребления[1]. В дальнейшем внутреннее потребление несколько растет, и поэтому в 1924—1925 г. положение улучшается. С другой стороны, потребление молочных продуктов показывает постоянный рост, хотя и медленный. Так, например, потребление масла, которое составляло в 1919 г. 1,5 млрд. фунтов, поднимается в 1921 г. до 1,7 млрд. фунт., в 1923 г. — до 1,87 млрд. и в 1925 г. — до 1,9 млрд. Так же увеличивается потребление сыра и сгущенного молока. В 1919 г. потребление сгущенного молока составляет 1,13, а в 1921 г. — 1,22 млн., а в 1924 г. — 1,55 млн. фунтов. Далее отмечается также увеличение потребления говядины, свинины и т. д., как это видно из следующей таблицы:

Годы	Говядина	Свинина	Телятина	Баранина	Всего мяса	Сала
	(в миллионах фунтов)					
1913	5 852	6.077	487	725	13.141	1.100
1919	6 474	5.755	808	607	13.644	1.292
1920	6.713	6.437	814	588	14.545	1.416
1921	6.171	6.886	751	639	14.447	1.223
1922	6.643	7.260	797	545	15.245	1.558
1923	6.850	8.338	872	576	16.637	1.707
1924	6.993	8.492	935	589	17.011	1.749
1925	7.166	7.794	1.004	597	16.570	1.523

[1] В специальном исследовании «The stabilisation of the price of wheat during the war and its effects upon the returns to the producer», Вашингтон 1925 г., отмечается, что внутреннее потребление пшеницы упало в 1920 г. с 697 до 537 млн. бушелей. Официальное исследование о причинах кризиса (The Agricultural Crisis and its Causes, Report of the Joint Commission of the Agricultural Inquiry, Part I, Вашингтон, 1921 г., стр. 156) тоже указывает на тот факт, что экспорт увеличился и что «внутреннее потребление является важнейшим фактором в определении цен».

Отсюда видно, что 1920 и 1921 гг. показывают некоторое понижение потребления мяса, вследствие чего (а главное вследствие прекращения поставок для армии) наступает кризис в этой области, но потом потребление повышается, и вместе с этим цены на эти продукты падают меньше, чем цены на хлеб. Изменение потребления американского населения объясняется тем, что цены на мясные продукты относительно менее поднялись, чем цены на хлеб. Цены на хлеб достигли в 1920 г. уровня в 2,45 раза превышающего довоенный, цены же на молоко в этом году превысили только в 1,88 раза довоенный уровень, а на масло — в 1,83, на баранину — в 1,94, на свинину — в 2 раза, на сало — в 1,83 раза. При этом цены на все эти продукты в розничной продаже показывают уже в 1920 г. уменьшение по сравнению с 1919 г., в то время как цены на хлеб падают только с 1921 г. Еще в 1924 г. индекс цен на хлеб стоял выше, чем индекс цен на молоко, масло, сало, баранину и т. д. Более высокие цены на хлеб в розничной продаже влияли на изменение потребительных норм населения и вместе с этим дали возможность удержать цены этих продуктов на несколько более высоком уровне, чем цены на экспортные товары.

В основе изменения цен во время теперешнего кризиса в Соединенных Штатах лежит, как мы видим, падение внутреннего потребления, вызванное преимущественно общим промышленным кризисом, в то время как по Зерингу выходит, что сельскохозяйственный кризис вызвал промышленный кризис. На самом деле мы в Соединенных Штатах замечаем падение цен на ткани и одежду уже с апреля 1920 г., в то время как индекс пищевых продуктов падает с июня, а цены на сельскохозяйственные продукты — с мая[1].

Далее, правильно, что европейское население получало гораздо меньше хлеба, чем в предвоенные годы. Но нельзя забывать (на что, между прочим, указывали

---

[1] См. М. Спектатор. К вопросу о стабилизации капитализма, прил. таблица.

Зерингу в немецкой литературе), что экспорт из Америки увеличился в первые годы после войны и что ввоз в Европу если и составлял несколько меньшую величину, чем до войны, то это произошло главным образом вследствие уменьшения вывоза из СССР. Экспорт в Европу из тех стран, которые определяли положение мирового рынка, отнюдь не уменьшился. Следовательно, чтобы объяснить наступивший кризис, приходится прибегнуть к предположению, что европейские страны обеднели и не в состоянии были платить более высокие цены, т.-е., другими словами, к теории Зеринга, которая особенно подчеркивается его последователем проф. Бекманом[1], что цены на сельскохозяйственные продукты определяются покупательной способностью потребителя, а не производственными расходами.

Однако, если даже принять это положение, то возникает еще вопрос, следует ли именно Германию считать наиболее обедневшим покупателем в Европе, а не какую-нибудь иную страну. Вывоз в Германию дает как раз в первые годы после войны довольно значительное повышение, и, как известно, Германия оплачивала вначале импортируемые товары бумажными марками, к которым в первые годы после войны сохранилось еще доверие. Прав, пожалуй, также Бекман в том отношении, что участие Германии в общемировом производстве[2] не могло бы по относительной своей незначительности оказать такое сильное влияние на общее положение цен, хотя растущий спрос со стороны Германии, в особенности в 1925/26 г., должен был, несомненно, вызвать оживление мирового рынка хлебов. Правильна ли, однако, его исходная точка, что цены на сельскохозяйственные продукты определяются

---

[1] «Die internationale Lage der Landwirtschaft» в «Schriften des Vereins für Sozialpolitik», 171 Band, zweiter Teil.

[2] Зеринг указывает на то, что ввоз в Германию составлял 7,7% всего экспорта пшеницы. Однако, чтобы оценить значение ввоза Германии, необходимо его сравнивать не с общим вывозом, а со всей продукцией, от которой зависит цена.

не производственными расходами, а покупательной способностью последнего покупателя?

Общий закон, определяющий цены товаров средними производственными расходами, претерпевает изменения в том случае, если значительная часть продуктов, которая еще необходима для покрытия общественного спроса, требует больших расходов. Именно это обстоятельство имеет часто место в сельском хозяйстве, где спрос опережает предложение, и вследствие этого индивидуальная стоимость при наихудших условиях и определяет цену хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Если же случается, что предложение превышает рыночный спрос, тогда цены определяются средними или даже низшими производственными расходами. Этот случай, очевидно, Зеринг имеет в виду, когда он говорит, что последний потребитель определяет цену хлеба[1]. Однако, исходя из этой точки зрения, приходится считать, что от последнего потребителя зависят цены на все продукты как на промышленные, так и на сельскохозяйственные, так как покупаются все товары только в зависимости от покупательной способности, и, следовательно, «последний потребитель» покупает столько товаров, сколько он в состоянии купить. Весь вопрос заключается только в том, получит ли он достаточное количество продуктов для удовлетворения своего спроса, соразмерно с его покупательной силой. Зеринг, повидимому, думает, что сельское хозяйство тем и отличается от промышленности, что сельские хозяева вынуждены продавать свои продукты во что бы то ни стало, чего могут и не делать промышленники. Однако, и в сельском хозяйстве мы замечаем уничтожение излишков или употребление продовольственных продуктов на другие цели. Здесь имеет место не только прямое физическое истребление

---

[1] «По общему закону цен при данном предложении цена всего запаса определяется покупной силой и волей к покупке последнего покупателя — «предельного покупателя», т.-е. самой слабой группы покупателей».

хлеба и других продуктов, но и использование их для других целей, как, например, для корма скота. Затем происходит то сокращение, то расширение площади посевов, в зависимости от конъюнктуры. Точно так же распродается скот на убой, если становится невыгодным содержать его. В этом отношении сельское хозяйство хотя и имеет более продолжительный оборот капитала, все же не так уже значительно отличается от промышленности. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве при переполнении рынка «рыночные цены всегда регулируются частью товаров, произведенных при наилучших условиях» (К. Маркс, «Капитал», том III, часть 1-я, стр. 162). Поскольку мы имеем дело с процессом воспроизводства, постольку нам приходится всегда считаться со стоимостью производства, а не с покупательной способностью того или другого потребителя, хотя последнее обстоятельство и определяет в каждый данный момент, насколько произведенное количество соответствует рыночным потребностям, и вместе с этим устанавливает, будут ли цены произведенных товаров определяться высшими, средними или низшими производственными расходами.

Далее, нам кажется, что это положение неправильно и потому, что тенденции внутреннего рынка в развивающихся странах играют большую роль в определении цен, чем спрос со стороны внешнего рынка, ибо потребление на внутреннем рынке растет в общем и целом, за немногими исключениями, быстрее, чем экспорт. В те периоды, когда экспорт хлеба идет быстрее, чем внутреннее потребление, мы склонны думать, что моментами, определяющими цены хлеба, являются экспортные цены. В те же периоды хозяйственного развития, когда внутреннее потребление растет быстрее, чем экспорт, цены определяются внутренним рынком, а не внешним. И обратно: если внутреннее потребление сокращается сильнее, чем экспорт, падение цен вызывается положением внутреннего, а не внешнего рынка. Надо иметь в виду, что если цены на такие продукты,

как хлеб, определяются на мировой бирже, то все же может происходить известное отклонение от мировых цен. Дело в том, что между ценами, которые получает производитель, и биржевыми ценами в данной стране и ценами на мировых рынках тоже может быть расхождение, по крайней мере в размере транспортных расходов. Затем, в странах, которые имеют защитительные пошлины, это расхождение может быть еще гораздо большим, доходя до всей величины этих пошлин плюс транспортные расходы.

Если сопоставить развитие цен в производящих и потребляющих странах, то мы замечаем некоторое расхождение в общей тенденции. Так, например, цена на русскую пшеницу составляла в копейках за пуд («Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству» за 1913 г.):

	1901—05 гг.	1906—10 гг.	1911 г.	1913 г.
Саратов	75,5	103,5	105,1	95,4
Лондон (русская озимая)	107,6	129,0	121,6	123,8
Нью-Иорк (озим. красн.)	107,8	122,0	113,8	111,7

Цены на русский хлеб в Саратове поднялись с 75,5 до 103,5 и до 105,1, между тем как цены на русский хлеб в Англии стояли в 1911 г. ниже, чем в среднем за 1906—1910 гг. Цены на американский хлеб также значительно понизились. Далее, цены на русский хлеб с 1901—1905 по 1906—1910 гг. поднялась на 37%, в то время как на английском рынке цены на русский хлеб поднялись всего на 20%, а на американском рынке хлебные цены поысились на 13%. Если сравнить цены, которые получали американские фермеры, с ценами на лондонском рынке, то мы получим такую же картину. Конечно, цены на нью-йоркской или чикагской бирже идут параллельно с привозными ценами на американский или даже на английский хлеб в Англии, так как

последние в значительной степени зависят от цен на мировом рынке, хотя и здесь мы можем отметить частые отклонения, доходящие до того, что цены на внутреннем рынке превышают цены на привозный хлеб. Но гораздо более значительные отклонения замечаются, если сравнить цены, которые получали американские фермеры, с ценами на английском рынке. Так, цены на английскую пшеницу в Лондоне, с одной стороны, и на красную озимую в Соединенных Штатах, с другой — были (в центах за бушель) [1]:

Средние годовые цены на пшеницу:

Период	В С. Штатах		В Англии
	ферм. цены на 1 декабря	средн. экспорт. цены	средние цены на английск. пшеницу
	(в долларах за бушель)		
1880—84	0,92	1,15	1,29
1885—89	0.75	0,87	0,96
1890—94	0,67	0,85	0,90
1895 .99	0,65	0,74	0,85
1900—04	0,70	0,75	0,83
1905—09	0,84	0,90	0,96
1910—14	0,87	0,96	1,00
1915—20	1,69	1,86	2,01

Из этих данных видно, что падение цен в Америке было гораздо более медленным, чем в Англии. В то время, как в Соединенных Штатах они понизились с 1880—1884 гг. по 1895—1899 гг. на 28,9%, в Англии они понизились на 34%. После этого наступило повышение цен, которое в Соединенных Штатах было более сильным, чем в Англии. До 1910—1914 гг. цены в Соединенных Штатах поднялись на 34%, а в Англии — на 17,6%. Явление, что цены в аграрных странах повышаются быстрее, чем в индустриальных странах, — обще-

[1] Составлено по «Yearbook of U. S. Department of Agriculture» за 1922 г и «Statistical Abstract of U. S.» за 1925 г.

известно. Именно потому, что цены на внутреннем рынке начинают превышать цены на внешнем рынке, индустриализирующиеся страны перестают вывозить и начинают ввозить хлеб. Следовательно, цены определяются не на внешних рынках, а на внутренних.

От этих общих соображений перейдем теперь к теоретическому анализу сельскохозяйственного кризиса.

Мы исходим при анализе сельскохозяйственного кризиса из той общей формулы расширенного воспроизводства, которую дает Маркс. Мы рассматриваем капиталистическое сельское хозяйство как производство предметов непосредственного потребления[1]. Оно обменивает свои продукты на продукты 1-го подразделения, т.-е. на средства производства, при чем обмен происходит, как известно, таким образом, что обмениваются $Y + M$ 1-го подразделения на C_1 2-го подразделения, принимая Y за заработную плату, M — за ту часть прибыли, которая идет на личное потребление предпринимателей, и C_1 — за ту часть постоянного капитала, которая ежегодно возобновляется, плюс часть накапливаемого капитала, идущего на средства производства[2]. Для бесперебойного развития хозяйства необходимо, как известно, чтобы $Y + M = C_1$. Если же развитие сельского хозяйства идет быстрее, чем развитие производства средств производства, т.-е. если $Y + M$ меньше, чем C_1, т.-е. той части продукции, которую сельское хозяйство может продать с целью расширения своего производственного аппарата, то при наличии такого положения цены на сельскохозяйственные продукты падают, и наступает кризис. Наоборот, если $Y + M$

---

[1] Или сырья, поскольку эти продукты не поступают в готовом виде в потребление. Тогда продукты с. х. относятся формально к I подразделению.

[2] Мы отвлекаемся здесь от обмена сельскохозяйственных продуктов на промышленные изделия личного потребления, как и от обмена с.-х. сырья на промышленные продукты, так как основой современных кризисов является диспропорция между обоими подразделениями, а не между отдельными отраслями внутри каждого подразделения.

больше C_1, т.-е. спрос на рабочую силу со стороны промышленности, с одной стороны, и личное потребление предпринимателей, с другой стороны, растут быстрее, чем продукция сельского хозяйства, то цены на сельскохозяйственные продукты должны подняться. Отсюда совершенно ясна зависимость сельского хозяйства от развития промышленности: если последняя развивается, то должно наступить улучшение положения сельского хозяйства.

Если последняя попадает в кризис, то неминуемо должно ухудшиться и положение сельского хозяйства. Влияние, которое промышленность оказывает на сельское хозяйство, сказывается, однако, постепенно, и сельскохозяйственные кризисы следуют за промышленными нормально через определенные промежутки времени. Вызванное промышленным подъемом расширение площади или вообще оживление сельского хозяйства продолжается некоторое время после того, как промышленная деятельность стала уже сокращаться. Это приводит к наступлению диспропорции между сельскохозяйственным и промышленным производством, чем и вызывается сельскохозяйственный кризис [1].

Кризис в сельском хозяйстве есть только отражение общего кризиса. Вместе с сужением воспроизводства основного капитала, уменьшением количества занятых рабочих и понижением их заработной платы сокращается и потребление сельскохозяйственных продуктов, сырья, а также съестных припасов, т.-е. наступает кризис. Когда промышленность вообще идет все развиваясь вверх, кризисы обычно не столько продолжительны и не столь глубоки и оказывают только сравнительно слабое влияние на сельское хозяйство. Если и сокращается потребление сырья, то потребление съестных припасов, которые составляют основу питания людей, хотя и сокращается во время кризисов, но

---

[1] Дальше мы увидим, что кризис в с. х. может разразиться даже раньше, чем в промышленности.

в самых крайних случаях. В Германии в 1925 г. уменьшилось, как указывает Зеринг, потребление молока, между тем как потребление хлеба или совсем не сократилось, или сократилось весьма незначительно. Съестные припасы составляют обычно от 30 до 50%, редко 60% бюджета рабочего. Так как в современных капиталистических странах заработная плата рабочих превышает ее физический минимум, то ухудшение положения рабочих прежде всего сказывается на уменьшении потребления всех остальных предметов, а не предметов первой необходимости, т.-е. съестных припасов. Продолжительный и глубокий кризис может настолько повлиять на потребление городских масс, что он сильно отразится и на положении сельского хозяйства. Конечно, сельское хозяйство также заинтересовано в доставке сырья для промышленности, но последняя играет гораздо меньшую роль, чем снабжение населения съестными припасами[1]. Поэтому только глубокие и продолжительные кризисы в промышленности имеют своим последствием и аграрный кризис в том смысле, что значительное количество предприятий оставляется владельцами и многие арендаторы разоряются и т. д. Промышленность из кризиса выходит путем повышения органического состава капитала, улучшения техники, понижения производительных расходов. Сельскому хозяйству во время кризиса труднее всего достать капитал для того, чтобы понизить производственные расходы.

Сельское хозяйство боится значительного увеличения продукции. Ибо последнее вызывает резкое падение цен. Выход из кризиса получается тогда, когда новый подъем промышленности усиливает спрос на с.-х. продукты.

Если во время промышленных подъемов спрос на сельскохозяйственные продукты еще усиливался

---

[1] Вся стоимость урожая Соединенных Штатов в 1919 году оценивалась в 14,76 млрд. долларов. Из этой суммы на хлопок, табак, лен и т. д. приходилось около 3 млрд.

случайными моментами, и развитие сельского хозяйства таким образом искусственно форсировалось, то следующий за промышленным кризисом аграрный кризис принимает особенно острый характер. Так было во время наполеоновских войн, так было и во время теперешней мировой войны и в известной мере также в 70-х и в начале 80-х гг. прошлого столетия, когда во время предшествовавшего исключительного подъема промышленности в европейских странах спрос на сельскохозяйственные продукты значительно возрос.

Когда наступил промышленный кризис и прекратился военный спрос, то и мировое сельское хозяйство пережило кризис.

Обычно (это делает и Зеринг) сельскохозяйственный кризис конца 70-х годов объясняют исключительно расширением обработки земли в Америке, а также в России и улучшением средств транспорта, что дало возможность значительно понизить расходы по перевозкам.

Зеринг, с одной стороны, указывает на развитие транспорта, которое «вовлекло пастбищные и охотничьи районы Северо-Американского континента в орбиту европейских хлебных и мясных рынков». С другой стороны, у него имеется ссылка на эмиграцию из Европы в Америку, которую он объясняет весьма странным образом, а именно: «фаустовским стремлением человека в бесконечность вольных просторов». Однако, по его мнению, решающим фактором явились Россия и Аргентина, которые по размерам обрабатываемой площади и по количеству хлебного экспорта обогнали все остальные страны. «Самым опасным конкурентом, — говорит он, — здесь оказываются нетребовательные итальянские колонисты в приморских земледельческих районах Аргентины и русские крестьяне, потому что как те, так и другие находились под давлением высокой арендной платы, ростовщических процентов и налогов, и в обеих странах бумажная валюта усилила до крайней степени эксплоатацию земледельца». Эти указания, несомненно,

правильны[1], но они не могут объяснить всей проблемы кризиса, ибо неясно, что вызвало падение цен в самой Америке, в Аргентине и в России. Нельзя ведь сказать, что цены в Америке и в России, с одной стороны, определяли общие мировые цены и что, с другой стороны, падение мировых цен привело к падению цен в этих странах. Далее, заявление Зеринга, что наступило абсолютное переполнение европейских рынков, не соответствует действительности постольку, поскольку мы имеем дело как раз с обратным явлением, а именно с падением потребления в Европе. По данным австрийского министерства земледелия («Getreide im Weltverkehr») потребление пшеницы в Европе понизилось с 1883—1887 гг. по 1888—1892 гг. с 112,4 килограмма на душу до 108,1 килограмма на душу. Потребление ржи в Европе уменьшилось еще больше — с 92,3 до 81,5 килограмма на душу. Если взять все пять хлебов вместе, то потребление уменьшилось с 354,9 до 337,3, или на 17,6 килограмма на душу. В частности потребление пшеницы в Англии по другому источнику[2] уменьшилось с 1880—1884 по 1885—1889 гг. с 364 английских фунтов на душу до 356, потребление пшеницы во Франции — с 548 до 516, а потребление пшеницы и ржи в Германии осталось без изменения. Это показывает, что как раз в те годы, когда цены на хлеб быстро падали, потребление одновременно шло вниз.

---

[1] Конкуренция, например, со стороны русского сельского хозяйства уже достаточно выяснена Марксом, который говорит о том, что в странах с парцеллярным земледелием цены на сельскозяйственные продукты гораздо ниже, чем в капиталистических странах, так как при мелком земледелии крестьяне ограничиваются очень низкой заработной платой, не требуя ни прибыли, ни ренты. Если обратить еще внимание на очень низкий уровень потребностей русского крестьянина и на тот гнет, под которым он находился при царизме, гнет который вынуждал его продавать свои продукты сейчас же после урожая, то станет ясным, почему русские крестьяне вынуждены были продавать своя продукты дешевле, чем сельские хозяева в капиталистических странах.

[2] «Statistical Tables and Charts Relating to British and Foreign Trade and Industry» (1858—1908), London 1909 г.

Если бы мы имели абсолютное переполнение рынка, то следовало бы ожидать как раз обратное явление, а именно — рост потребления вследствие понижения цен. Но это были как раз годы промышленного застоя в Англии и неблагоприятной конъюнктуры в других странах, вследствие чего уменьшилось потребление, а в результате получилось и падение цен. Следовательно, основой сельскохозяйственных кризисов 70 и 80 годов следует считать застой в промышленности, вызвавший относительное переполнение рынка. Верно, однако, и то, что и производственные расходы, несомненно, быстро падали, что дало возможность увеличить продукцию, несмотря на падение цен. Чем же было вызвано падение производственных расходов? Американской и т. д. конкуренцией. Но почему Америка могла производить дешевле? И почему цены падали и в самой Америке?

На самом деле технический прогресс сильно снизил производственные расходы в с. х., как и в промышленности. Причину большей дешевизны производства в Америке и в России буржуазные экономисты видят в большей выгодности экстенсивного хозяйства перед интенсивным.

Не вдаваясь в анализ этой сложной проблемы, которая в литературе известна под именем *закона падения производительности последовательных затрат*, мы можем только сказать, что у Зеринга имеются на этот счет два друг другу противоречащих заявления. С одной стороны, он замечает, что «закон действителен лишь при допущении неизменности сельскохозяйственной и индустриальной техники, ибо технические усовершенствования могут с избытком уравнять вытекающие из них невыгоды. Усовершенствованное культивирование растений и разведение скота повышает производство без повышения расходов; участие сельского хозяйства в достижениях индустриальной техники приводит к тому же последствию». В другом месте, возвращаясь к тому же явлению, он как будто с большей категоричностью подчеркивает

закон падения производительности последовательных затрат. Несомненно, что при известных условиях правильно то положение, что переход к новым землям, использование природных сил с незначительными затратами труда гораздо выгоднее, чем дальнейшее приложение капитала, тем более что оно в капиталистическом обществе наталкивается на препятствия в виде земельной ренты, которая отвлекает капитал от производственного применения и является фактически для производителя потерянной затратой. При таких условиях возможность получения в обработку новых земель, на которые не приходится затрачивать значительных капиталов, может привести к ощутительному понижению расходов по производству. Но все эти моменты не говорят против того, что в дальнейшем, при применении более усовершенствованной техники, производительность труда идет таким образом, что интенсивное хозяйство может оказаться гораздо выгоднее, чем экстенсивное. Это показывает, между прочим, последнее обследование американского департамента сельского хозяйства, которое констатирует в целом ряде ферм последовательное падение стоимости производства единицы продукта при растущем урожае на единицу площади, т.-е. при интенсификации производства. Для иллюстрации этого положения приводим нижеследующую таблицу из «Departament of Agriculture Yearbook» 1925 (см. стр. 26).

В течение нескольких лет сельскохозяйственный департамент Соединенных Штатов производит исчисления стоимости производства главнейших хлебов и хлопка. До сих пор в публикациях давались только результаты по штатам, теперь же мы впервые имеем группировки производственных расходов и урожайности на единицу площади. В первой колонке указывается количество отчетов, поступивших в департамент, на основании которых выводятся эти данные. Вторая колонка дает среднюю величину ферм каждой группы. Третья указывает среднюю урожайность на один акр. Следующие колонки указывают расходы, при чем рас-

ходы распределяются на обработку земли, на сборы, на молотьбу, на рыночные издержки и удобрение, земельную аренду, различные мелкие работы и мелкие расходы вообще. Выделение аренды, с одной стороны, и удобрения, с другой, — весьма важно, так как указание на аренду дает нам ключ к пониманию роста дифференциальной ренты вместе с ростом урожайности и величины абсолютной ренты. Рост расходов по удобрению говорит о том, что тут мы имеем дело, за немногими исключениями, с определенным различием в степени интенсификации производства, так как, по крайней мере в районе яровой пшеницы, рост расходов на удобрение идет почти совершенно параллельно с ростом урожайности. Далее, весьма интересны данные о величине ферм. Здесь мы замечаем, что до определенных размеров, в районе озимой пшеницы — до 21 бушеля на акр, урожайность, повидимому, растет в общем и целом соответственно с размерами ферм. В группах с более высокой урожайностью величина ферм быстро сокращается, и, повидимому, речь идет только о более интенсивной обработке на мелких участках. В области хлопководства мы имеем другое явление: там мы видим беспрерывный прямой рост величины ферм, начиная с 36 акров в среднем на ферму, кончая 637 акрами.

Район озимой пшеницы охватывает следующие штаты: Канзас, Небраска, Миссури, Оклагама. Надо сказать, что средняя урожайность в этом районе выразилась в 1924 г. в следующих цифрах: Канзас — 16,6 Небраска — 19,9 Оклагама — 17,0 и Миссури — 25. Во втором районе — в районе яровой пшеницы, который охватывает Миннезоту, северную и юго-восточную Дакоту, восточную Монтану, мы имеем следующую среднюю урожайность: в Миннезоте — 21,8, в Дакоте — 15,0 и в Монтане — 16,2. Следовательно, мы имеем дело, с одной стороны, с весьма экстенсивным хозяйством, которое имеет очень низкую урожайность, а с другой стороны, с довольно высоким интенсивным хозяйством, превышающим средний урожай почти в два раза.

Средняя цена в этих районах была 124—128 центов, а средняя цена, которую получал производитель в Соединенных Штатах, составляла 129,9 цента за бушель. Исходя из этой средней величины, мы видим, что в районе озимой пшеницы, как и в районе яровой пшеницы, работали с потерей те хозяйства, которые получали до 9 бушелей с акра. Такая низкая урожайность, очевидно, связанная с плохой почвой или с ее истощением, не могла, конечно, оправдать производственных расходов, в особенности в виду того, что фермерам одновременно приходилось платить довольно высокую аренду, доходящую почти до 4 долларов за акр, что в районе озимой пшеницы, при средней урожайности в 2 бушеля с акра, дает один доллар на бушель, а при средней урожайности в 5 бушелей дает почти 80 центов, и даже при средней урожайности в 8 бушелей мы имеем еще почти 40 центов на бушель арендной платы в районе озимой пшеницы и 25 центов в районе яровой пшеницы. Отсюда совершенно ясно, что абсолютная рента, которую получает владелец с наихудших полей, является основой убыточного производства. То же самое можно констатировать и по отношению к кукурузе, средняя урожайность которой составляла в 1924 г. 22,9, а средняя цена — 98,2 цента. Следовательно, при урожайности до 17 бушелей с акра работу приходилось производить с убытком. Как бы то ни было, из этой таблицы нельзя заключить, что интенсификация ведет к падению производительности труда, а скорее наоборот, только с определенной границы становится выгодным возделывание земли, и дальнейшая интенсификация приносит все больше и больше дохода.

Таким образом, мы видим, что так называемый закон падения производительности последовательных затрат как бы превращается в свою противоположность, т.-е. что при более высокой интенсификации производства общая стоимость продукции, считая на единицу продукта, падает. Возникает, однако, вопрос: почему нельзя в таком случае с небольшого клочка земли добыть бесконечное количество продуктов? Объяснение

Стоимость продукции пшеницы в Соединенных

Группа урож. (буш. на 1 акр.)	Количество отчетов	Средн. колич. акров на ферму	Средняя урожайн. на акр (в буш.)	Валовой рас		
				Возделывание земли и посев	Сбор и молотьба	Рыночные издержки
Пшеница						
Район озимой[4] пшеницы:						
До 3-х бушел. . . .	10	68	2	2,44	1,71	0,31
4— 6 » . . .	29	70	5	3,00	2,77	0,54
7— 9 » . . .	47	45	8	3,27	3,46	0,78
10—12 » . . .	147	61	11	3,37	3,97	1,00
13—15 » . . .	135	91	15	3,31	4,01	1,00
16—18 » . . .	116	101	17	3,19	4,57	1,03
19—21 » . . .	160	121	20	3,47	4,88	1,12
22—24 » . . .	69	98	23	3,60	5,52	1,14
25—27 » . .	65	85	25	3,44	5,69	1,08
28—30 » . . .	37	54	29	3,43	5,95	1,15
Более 31 » . . .	28	65	35	3,54	6,53	1,31
Яровая пшеница[5]						
До 9-ти бушел. . . .	27	83	8	3,17	3,02	0,75
10—12 » . . .	95	106	11	3,03	3,16	1,07
13—15 » . . .	130	133	15	3,21	3,68	1,05
16—18 » . . .	115	134	17	3,18	3,83	1,24
19—21 » . .	114	88	20	3,42	4,09	1,18
22—24 » . . .	44	92	23	3,61	4,77	1,31
25—27 » . . .	14	60	25	3,30	4,31	1,10
Более 28 » . . .	19	52	31	3,34	4,91	1,39

Результат за 1926 г. предста

Урожай на 1 акр в буш.	Район озимой пшеницы	
	Расход в долларах на 1 акр	Расход в долларах на 1 бушель
До 6 буш. . .	10.84	3.61
7—12 » . .	14.68	1.47
13—18 » . .	17.19	1.07
19—24 » . .	18.54	0. 8
25 и больше .	20.81	0.74
В среднем . .	16.88	1.06

[1] Те же исследования произведены и в 1925 и 1926 г.
[2] Мелкие работы: орошение и вода, обработка семян и материи
[3] Мешки и шпагат, страхование урожая, пользование зернохра
[4] Район озимой пшеницы включает Канзас, Небраску, Миссури,
[5] Район яровой пшеницы включает Миннизоту, сев. и юго-вост.
[6] Взято из Agriculture Yearbook за 1925 г., стр. 1328.

Штатах в зависимости от урожайности в 1924 г. [1]

ход на акр (в долларах)						Поступления от продажи соломы (в долл.)	Чистый расх.	
Мелкие работы [2]	Удобрение	Обсеменение	Аренда за землю	Мелкие расходы [3]	Итого		На 1 акр	На 1 бушель
							(в долларах)	
0,05	0,52	1,13	2,00	1,02	9,18	0,29	8,89	4,44
0,03	0,82	1,24	3,98	1,76	14,14	0,54	13,60	2,72
0,14	1,30	1,32	3,63	1,79	15,69	0,57	15,12	1,89
0,17	1,18	1,46	3,67	1,76	16,59	0,65	15,93	1,45
0,14	0,94	1,48	3,77	1,94	16,59	0,48	16,11	1,07
0,10	0,88	1,49	4,85	2,11	18,22	0,52	17,70	1,04
0,12	0,94	1,52	5,18	2,39	19,62	0,39	19,23	0,96
0,08	0,60	1,43	5,18	2,16	19,71	0,47	19,24	0,84
0,19	0,51	1,40	6,00	2,40	20,71	0,30	20,41	0,82
0,07	0,79	1,59	6,42	1,93	21,33	0,33	21,00	0,72
0,02	1,22	1,38	6,62	2,43	23,05	0,17	22,88	0,65
0,12	0,07	1,37	2,14	1,85	12,49	0,12	12,37	1,55
0,10	0,20	1,63	2,54	1,98	13,71	0,34	13,37	1,22
0,18	0,30	1,55	3,03	1,98	14,98	0,26	14,72	0,98
0,14	0,27	1,55	3,00	2,18	15,39	0,28	15,11	0,89
0,11	0,41	1,64	3,77	2,12	16,74	0,34	16,40	0,82
0,43	1,01	1,59	3,77	2,72	19,21	0,46	18,75	0,82
0,16	0,61	2,05	4,17	1,48	17,18	0,26	16,92	0,68
0,03	0,92	1,82	6,13	2,59	21,13	0,80	20,33	0,66

влен в следующей таблице [6]:

Район яровой пшеницы	
Расход в долларах на 1 акр	Расход в долларах на 1 бушель
10.95	3.65
14.64	1.46
15.62	1.04
21.54	0.98
14.03	1.40

алов
нилищами и т. д.
Оклагому.
Дакоту и восточн. Монтану.

этого явления лежит, очевидно, в ограниченности размеров капитала, который может быть приложен к данной площади земли. Нельзя себе представить, чтобы т о т же капитал, который может быть затрачен на обработку новых земель, будучи приложен к данной площади для повышения интенсивности культур, дал бы больший эффект. Приходится применить гораздо больший капитал,, который хотя и улучшит общий эффект, но не легко (т.-е. только за высокие проценты) достается. Весь вопрос заключается не в естественном законе падения производительности последовательных затрат, а в тех особенных экономических условиях, которые позволяют повысить приложение капитала на данной единице площади. Так как приложение капитала зависит от положения общего рынка капитала, следовательно, в первую очередь от рынка промышленности, то естественно, что в сельском хозяйстве имеется стремление к экстенсивной обработке широких площадей без применения особых капиталов, вместо интенсификации той же площади, но с применением значительных капиталов и общим улучшением производственной техники. Между сельским хозяйством и промышленностью существует таким образом конкуренция в области капитала, и так как промышленность оказывается по целому ряду моментов гораздо более производительной и привлекает к себе больше капитала между прочим и потому, что здесь капитал не наталкивается на препятствия в виде ренты и цен за землю, то применение капитала в сельском хозяйстве идет весьма медленно, и вместе с этим медленно развивается интенсификация производства.

Но несмотря на это, техника и в с.х. развивалась и вызвала падение цен, которое, следовательно, отнюдь не следует рассматривать исключительно как проявление кризиса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТЕОРИЯ АГРАРНОГО КРИЗИСА

1. Сельское хозяйство и промышленность

В общих чертах можно нарисовать схему разделения народного хозяйства на сельское хозяйство, добывающую и обрабатывающую просмышленность.

Добывающая промышленность «находит свой предмет труда в природе, между тем как сельское хозяйство имеет дело с теми предметами, которые представляют сырой материал, т.-е. предметы труда, уже профильтрованные процессом труда» (К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 152). Сельское хозяйство производит предметы питания и основное сырье для изготовления предметов личного потребления. Обрабатывающая промышленность производит дальнейшую переработку продуктов сельского хозяйства и добывающей промышленности. Предметы питания, получаемые в сельском хозяйстве, могут снова явиться сырьем для обрабатывающей промышленности (пищевая промышленность), так что и в этой области промышленность подчиняет себе одну отрасль сельского хозяйства за другой.

Экономическое основание производимого нами разграничения между сельским хозяйством, добывающей и обрабатывающей промышленностью приходится искать в той связи, которая существует между сельским хозяйством и землей, как основным фактором производства, между добывающей промышленностью и теми источниками сырья, откуда она получает свой основной

продукт. Размер земли, охватываемой производственным процессом, определяет в общем и целом при данной системе сельского хозяйства также размер возможной продукции. В этом отношении сельское хозяйство сходно с добывающей промышленностью, которая также зависит от размеров площади, охваченной производственным процессом. Но размеры продукции горной промышленности зависят исключительно от богатства естественными ресурсами рудника, россыпи и т. д., урожайность земли является не только результатом природных условий, но и человеческого труда. Плодородие земли является результатом и исторического развития; вообще, понятия «плодородие» и естественные богатства страны имеют относительное значение, зависящее от степени технического развития, позволяющего использовать те или другие источники сырья или земельные участки[1]. При всем том, увеличение продукции за определенными естественными и техническими условиями пределами требует расширения площади обрабатываемой земли. Впрочем, и здесь не нужно искать абсолютных границ. «Предел, до которого, — говорит Маркс, — на старой арене может затрачиваться дополнительный капитал при менее благоприятных условиях производства, определяется конкурирующими затратами на земле класса А» (т.-е. худшего качества) (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 288). Следовательно, вопрос решается конкретными моментами. Но именно то обстоятельство, что использование новых земель, пространственное расширение объема производства может явиться более выгодным, чем интенсификация производства, и отделяет земледелие от промыш-

---

[1] «Способность земледелия непосредственно использовать природное плодородие почвы — способность, которая различна на различных ступенях развития, — представляет такой же момент так называемого природного плодородия почвы, как и ее химический состав и другие природные свойства» (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 192). С этой точки зрения ясно, что нельзя говорить об убывающем плодородии почвы, как о «законе природы», раз само плодородие почвы зависит от общего развития химии и механики...

ленности, для которой не пространство, а техника, и только последняя определяет характер и объем производства. Этим и определяется существование класса землевладельцев, который захватил в свое монопольное пользование землю и который требует на основании своего «права» владения часть прибавочной стоимости в виде абсолютной ренты.

Применение орудий производства в сельском хозяйстве, уменьшая затраты труда на производство единицы продукта, имеет лишь относительное значение для увеличения массы продукции. Чтобы увеличивать продукцию, необходимо главным образом расширять площадь обработки земли или интенсифицировать производство, что при неизменной технике вызывает часто рост производственных расходов, и только улучшение техники и способов производства повышает производительность труда; но применение техники часто, в свою очередь, связано с возможностью увеличения количества произведенного продукта.

Важной отличительной особенностью с.х. является то, что спрос на сельскохозяйственные продукты имеет ограниченные размеры. Если спрос на промышленные изделия почти неограничен и растет относительно быстро, то спрос на сельскохозяйственные продукты увеличивается весьма медленно. Так, например, за годы с 1880—1884 по 1905—1908 потребление пшеницы и ржи в Германии на душу населения увеличилось на 50%, потребление же хлопка — на 100%, а потребление железа — на 171%. Точно так же в САСШ потребление пшеницы увеличилось за это время всего на 5%, хлопка — на 52%, а железа даже на 200%. Это показывает, что потребление продуктов промышленности увеличивается гораздо быстрее, чем потребление сельскохозяйственных продуктов.

И на самом деле, если присмотреться к бюджету рабочей семьи, т.-е. к расходам, которые тратит каждая семья на удовлетворение своих потребностей, то мы заметим следующее весьма характерное явление. С ростом благосостояния семьи растут расходы на

сельскохозяйственные продукты, на одежду, обувь и другие промышленные изделия. Но расходы на сельскохозяйственные продукты растут гораздо медленнее, чем растет благосостояние семьи, между тем как расходы на изделия промышленности растут быстрее, чем рост благосостояния семьи. При обследовании бюджетов семей немецких рабочих и служащих оказалось, что при доходах семьи в 600 руб. в год — расходы на растительные съестные припасы составляли 19% бюджета, а при доходах в 2.500 рублей в год на растительные продукты питания приходилось только 8%. Само собой понятно, что при некотором росте доходов семьи возрастает и расход на съестные припасы. Так, например, при доходе от 600 до 800 руб. в год на растительные съестные припасы приходилось 17,3% всех расходов, но при доходе от 800 до 1.000 рублей — уже только 16%; от 1.000 до 1.250 — 14,5% и т. д. Следовательно, эти расходы понижаются, хотя абсолютно (в рублях) все время продолжают расти. Расход на мясные и молочные продукты показывает в общем такое же движение. Если семья с низким доходом до 600 рублей в год тратит на мясные и молочные продукты 26,5%, с несколько более высоким доходом — от 600 до 800 рублей — тратит 28,5%, то при дальнейшем возрастании благосостояния семьи процент расхода на молочные и мясные продукты падает, и при доходе в 2.500 рублей в год он равняется только 16,6%.

Общие расходы на пищу германской семьи, при росте дохода этой семьи от 600 рублей до 2.500 рублей, увеличиваются только на 79%, расходы на одежду и обувь — почти в 8,7 раз (т.-е. на 770%).

Вместе с ростом благосостояния быстро растут расходы на квартиру, на меблировку, и особенно быстро растут расходы на культурные нужды. Следовательно, спрос на промышленные продукты развивается гораздо быстрее с ростом благосостояния населения, чем спрос на сельскохозяйственные продукты. Это совершенно естественно, потому что если семьи с низким доходом питаются впроголодь, то семьи с более высоким дохо-

дом не могут все-таки съедать 4 порции мяса или 4 порции хлеба. Несомненно увеличивается потребление хлеба и мяса, но такому увеличению потребления имеется чисто естественный предел в насыщенности. Затем, — и это весьма важно, при более высоком благосостоянии семья переходит от потребления продуктов низкого качества к продуктам более высокого качества, вместо значительноо потребления хлеба, она переходит к потреблению мяса, молочных продуктов и овощей. Такое изменение качества питания диктуется и условиями труда: работая на открытом воздухе, можно есть больше хлеба; в душных фабриках или при умственном труде приходится прибегать к потреблению мясных и других продуктов высокого качества.

Следовательно, если страна развивается и улучшается положение народных масс, то увеличивается не столько потребление хлеба, сколько потребление продуктов скотоводства, огородничества и т. д. Сельское хозяйство переходит тогда к новым формам производства. Даже понижение цен на сельскохозяйственные продукты, повышая потребление их, во всяком случае не вызывает такого значительного увеличения потребления, чтобы последнее было в состоянии покрыть понижение цен.

На самом деле, мы наблюдаем, что падение цен на сельскохозяйственные продукты, например, в Англии, не вызывало повышения потребления пшеницы за 25 лет от 1880—1885 до 1905—1908 (364 фунта на душу и 361 фунт на душу); в Германии падение цен вызвало известный рост потребления хлеба вследствие общего подъема материального положения народных масс, но все же оно продолжало оставаться в довольно ограниченных размерах. Главный рост потребления сказался и в Германии не в области зерновых продуктов, а в области мясных и молочных.

Рассматривая те же бюджеты в порядке понижающейся доходности семьи, мы констатируем, что по мере понижения доходности падает, прежде всего, потребле-

ние мясных и молочных продуктов и мало уменьшается потребление хлеба.

То же самое явление можно проследить по динамике питания населения СССР за восстановительный период.

В потребляющей полосе потребление мясных продуктов выше, чем в производящей, в рабочей семье выше, чем в крестьянской, в семье служащего — еще выше. Отсюда выходит, что индустриализация страны усиливает потребление животных продуктов и относительно уменьшает потребление растительных веществ. Потребление мясных продуктов в рабочей семье меньше, чем в семье служащего на 24,8%, а растительных только — на 8,2%. Разница в потреблении растительных веществ различными социальными слоями или в различных странах гораздо меньше, чем в потреблении мясных. Во время кризиса, следовательно, должно сильнее сократиться потребление мясных, чем растительных веществ [1]. И, наоборот, во время промышленного оживления поднимается потребление первых. Это общеустановленный факт.

Для потребления промышленных продуктов нет естественных границ. Если наш крестьянин часто ходил почти что в лохмотьях, то крестьянин и рабочий в богатых развитых странах с высокой производительностью труда имел по несколько костюмов и большое число пар сапог. А средняя и крупная буржуазия, высшие слои служащих и чиновников или помещики-дворяне меняют свою одежду и обувь по несколько раз в год. Следовательно, в этом отношении границы потребления промышленных изделий весьма широки. Но, кроме того, промышленность очень легко переходит к производству самых разнообразных предметов, потребление которых вызывается и усиливается вместе с ростом благосостояния, с одной стороны, и понижением цен на эти продукты — с другой.

---

[1] Во всей стране под влиянием ряда моментов, о которых речь ниже, потребление продуктов скотоводства может не уменьшиться.

Вспомним колоссальное развитие автомобильного сообщения в Америке, где 1 автомобиль приходится на каждые 5 жителей, считая и детей.

Таким образом, вследствие особенностей потребления сельскохозяйственных продуктов, с одной стороны, и промышленных продуктов — с другой, сельское хозяйство сильно отличается от промышленности. В то время как сбыт продуктов промышленности можно увеличить путем понижения цен, и благодаря этому промышленность может почти бесконечно расширяться (наталкиваясь, конечно, на ограниченную социальными условиями производства покупательную способность) — сельское хозяйство не в состоянии в такой же мере воздействовать на расширение потребления его продуктов, а потому и не стремится к значительному увеличению своей продукции. Сильное предложение продуктов сельского хозяйства вызывает такое понижение цен, которое не покрывается соответственным увеличением потребления. Понижение цен при значительном росте продукции бывает настолько сильным, что продукты приходится сбывать уже с прямой потерей. Отсюда получается следующее странное, озадачивающее явление: крестьянин в капиталистических странах иногда страдает больше от хороших урожаев, чем от плохих. Во время хорошего урожая падает цена на хлеб и тем самым уменьшает стоимость всего урожая, несмотря на увеличение количества хлеба. Если 2.000 пудов сбора по 3 рубля дают 6.000 рублей, то при сборе в 2½ тысячи пудов хлеба, которые уже приходится продавать по 2 рубля, получается 5 тысяч рублей. Несмотря на увеличение урожая на 25% при понижении цен на $^1/_3$, общий результат во втором случае значительно ниже, чем в первом.

То обстоятельство, что понижение цен не ведет к соответственному увеличению потребления, заставляет сельских хозяев стремиться к ограничению производства ниже нормального уровня потребления. Сельское хозяйство тем и отличается от промышленности, что оно развивается вместе с спросом, вслед за ним,

между тем как промышленность старается опередить спрос, изменяя его, делая более интенсивным, усиленным, даже вызывая его.

Промышленник[1] стремится по возможности больше продавать, хотя бы за счет некоторого снижения цены. Другими словами, промышленник видит больше выгоды в том, чтобы на каждой единице продукта, продаваемого им, зарабатывать относительно меньше, но зато продавать продуктов по возможности больше. Сельский хозяин, наоборот, стремится продавать относительно мало, но по наиболее высокой цене. В этом лежит коренная разница в характере рынка для сельскохозяйственных и промышленных продуктов. Перепроизводство в области промышленности ведет, правда, также к временному сокращению производства в тех отраслях, где это перепроизводство особенно значительно. Но при увеличении какого-либо производства одновременно развивается производство других отраслей, главным образом производство средств производства (машин, сырья, топлива и пр.), которое тем самым снова расширяет рыночный спрос не только на средства производства, но и на предметы потребления. В сельском хозяйстве перепроизводство может быть долго не изжито, пока эти предметы не будут целиком потреблены, и не возникнет новый спрос. Борьба против перепроизводства в сельском хозяйстве ведется в основном путем сокращения запашек или ухудшения обработки земли.

Таким образом, мы имеем как характерную черту сельского хозяйства отсутствие стремления к расширению производства на основе существующих цен или даже с целью понизить цены, чтобы увеличить потребление. При развившемся кризисе — если он не сменяется скоро новым оживлением промышленной конъюнктуры — сельское хозяйство само из себя не в состоянии развить необходимых сил, чтобы скоро выбраться из него.

---

[1] Речь идет о промышленнике в эпоху свободной торговли.

Вот почему Маркс говорит, что «важным различием между сельским хозяйством и промышленностью является то обстоятельство, что в промышленности возможно добиться сверхприбыли путем удешевления продуктов, т.-е. понижая благодаря применению улучшенной техники индивидуальные производственные расходы ниже средних, между тем как в сельском хозяйстве сверхприбыли получаются вследствие продажи по высоким ценам». Если, — говорит Маркс, — в среднем цена фунта пряжи 2 шлг., а я, производя ее в большем масштабе, могу производить ее по 1 шлг., то я буду продавать ее несколько ниже 2 шлг., чтобы завоевать рынок. Таким образом, я понижаю рыночную цену, и результатом является то, что потребитель получает продукт дешевле. В земледелии я продаю в соответствующем случае по 2 шлг., так как цены на продукты сельского хозяйства определяются производственными расходами при наихудших условиях. Ибо если бы плодородной земли было достаточно, то менее плодородная не была бы обработана. Точно так же, если бы производство при более благоприятных условиях вообще могло бы удовлетворить рыночный спрос, то производство при менее благоприятных условиях приостановилось бы. В промышленности производство при средних или более благоприятных условиях может удовлетворить рыночный спрос; поэтому оно и определяет цены, между тем как в сельском хозяйстве отнюдь нельзя бесконечно увеличивать продукцию на тех же клочках земли, не повышая при этом производственных расходов. Поэтому для удовлетворения рыночного спроса приходится перейти к производству и при худших условиях, которые в таком случае и определяют цены продукта.

Экономическим выражением указанных различий между сельским хозяйством и промышленностью следует таким образом считать р а з л и ч и е в с п о с о б а х о п р е д е л е н и я ц е н. Если рыночная стоимость промышленных продуктов определяется в общем и целом средними производственными расходами, то рыноч-

ная стоимость сельскохозяйственных продуктов выказывает тенденцию к повышению до уровня высших производственных расходов. Уже в «Нищете философии» Маркс говорит (на странице 148—149 немецкого издания 1913 г.), что если бы цены определялись средними производственными расходами, то вообще не было бы земельной ренты. Существование земельной ренты именно определяется тем, что цена (рыночная стоимость) сельскохозяйственных продуктов определяется высокими производственными расходами. На странице 145 Маркс указывает на то, что новые вложения капитала, которые оказываются менее производительными, делаются только потому, что это вызывается спросом, что если бы дополнительные затраты были бы так же производительны, как прежние, то цена сельскохозяйственных продуктов определялась бы не высшими производственными расходами, а средними или низшими. То же самое Маркс повторяет во многих местах III тома «Капитала», говоря (напр., в части 2, изд. 1923 г., стр. 198 русского издания), что «цена производства на наихудшей земле всегда служит регулирующей рыночной ценой», в «Теориях прибавочной стоимости», в полемике против Робертуса (во 2-м томе немецкого издания, стр. 171). Во время кризиса цены, конечно, падают, а вслед за ними и рыночная стоимость, при чем она может упасть ниже не только высших производственных расходов, но и средних. Но если рыночная стоимость определяется высшими производственными расходами, то это означает с точки зрения Марксова закона образования цен, что общественная потребность удовлетворяется только при участии в производстве и тех предприятий, которые работают с высшими производственными расходами, т.-е. когда рыночная стоимость устанавливается не средними предприятиями, а теми, которые еще необходимы для удовлетворения рыночного спроса, хотя бы они работали с более высокими производственными расходами. Это означает дальше, что спрос опережает предложение, исходящее от пред-

приятий со средними производственными расходами. Иначе, само собой разумеется, как мы уже указывали, предприятия с высшими производственными расходами не существовали бы.

Не следует, однако, представлять себе, что рыночные цены должны всегда доходить до высших производственных расходов. В первой главе мы приводили обследование стоимости продукции пшеницы в САСШ в зависимости от урожайности и констатировали, что эта стоимость колебалась между 4,4 доллара за бушель пшеницы до 0,65 доллара в районе озимой пшеницы, и между 1,55 доллара и 0,66 доллара в районе яровой пшеницы, между тем как цены в этих районах колебались между 1,24 доллара до 1,28 доллара за бушель. Другими словами, только предприятия, получавшие свыше 12 бушелей с акра, были в состоянии покрывать свои производственные расходы. Все те предприятия, урожай которых был ниже этих размеров, не в состоянии были покрывать свои производственные расходы, очевидно, потому, что остальные области были в состоянии удовлетворить общественный спрос.

В 1925 г. производственные расходы в районе озимой пшеницы поднимаются еще выше — до 9,52 доллара за бушель в предприятиях, получающих менее 3 бушелей с акра; в предприятиях с более высокой урожайностью производственные расходы пшеницы падают, но все время остаются несколько более высокими, чем в прошлом году. При чем рост расходов отмечается почти по всем статьям, за исключением удобрения, которое не дает увеличения расходов. Средняя цена в 1925 г. была 1,46 долл. за бушель при средней стоимости продукции по всем САСШ в 1,32 долл. за бушель. Таким образом, средняя цена, получаемая на фермах, была несколько выше средней стоимости, но значительно ниже стоимости предприятий с высшими производственными расходами. Она соответствовала в данном случае цене предприятий с урожайностью выше 13 бушелей на акр. Таким образом, приходится

считать, что цену по высшим производственным расходам не следует понимать в том смысле, что она всегда оплачивает всякое производство, хотя бы при самых ненормальных условиях, а только такое производство, которое при данном спросе оказывается еще необходимым для его удовлетворения. Те предприятия, которые работают при еще худших условиях, вынуждены, вероятно, прибегать к использованию получаемого ими незначительного количества хлеба у себя на фермах или для своего собственного питания, или для корма скота. Во всяком случае они не в состоянии покрыть продажей своего хлеба своих расходов.

Является ли, однако, тенденция рыночной стоимости сельскохозяйственных продуктов к высшим производственным расходам, вытекающая из того обстоятельства, что спрос на сельскохозяйственные продукты, как нормальное явление, опережает предложение, доказательством правильности так называемого «закона падения последующих затрат»? Ничуть. Рост спроса на сельскохозяйственные продукты определяется *более быстрым ростом промышленной продукции*. Дело в том, что в сельском хозяйстве население, как известно, уменьшается относительно или даже абсолютно, если идет значительный прогресс техники. В промышленности, наоборот, население увеличивается не только абсолютно, но и относительно, и вместе с этим быстро растет спрос на сельскохозяйственные продукты. Маркс говорит, что подъем цен на сельскохозяйственные продукты может быть вызван как результат недостатка сырьевого материала, который в свою очередь может быть вызван, независимо от величины урожая, перепроизводством основного капитала в промышленности. «Если в какой-либо отрасли промышленности на машины и т. д. затрачивается слишком большая часть накопленной прибавочной стоимости, добавочного капитала, то сырьевого материала будет недостаточно для нового производства, хотя было бы достаточно для старой ступени производства. Это, следовательно, получается вследствие неправильного

распределения добавочного капитала между его различными элементами. Мы здесь имеем перепроизводство основного капитала» («Теория прибавочной стоимости», том 2, стр. 183, русск. издание). Это указание Маркса объясняет нам, почему цены на сельскохозяйственные продукты поднимаются быстрее, чем цены на промышленные продукты, так как происходит перепроизводство основного капитала, т.-е. извлечение значительной части капитала из сельскохозяйственной области в промышленную. Именно этим объясняется возрастающий спрос на сельскохозяйственные продукты и подъем их цен[1]. Маркс совершенно определенно говорил о том, что цена определяется высшими производственными расходами, потому что последующие затраты оказываются менее производительными, чем предыдущие. Это происходит от того, что отвлекается капитал из сельского хозяйства в промышленность, так как при улучшенной технике производительность последующих затрат может возрастать. Ведь вся суть так называемого закона «падения производительности последующих затрат» состоит в том, что при т е х ж е к а п и т а л ь н ы х з а т р а т а х обработка новых земель может оказаться выгоднее, но при новых затратах капитала, при улучшении техники, при улучшении системы производства и т. д., — уже несомненно более выгодными оказываются последующие затраты, как это видно из обследования американского правительства, приведенного нами выше, в первой главе, и как это подтверждает обследование следующих лет, опять-таки устанавливающее, что, по мере применения удобрения и лучшей обработки земли, стоимость производства каж-

---

[1] Этого не поняла С. Пикус, находящаяся в недоумении по поводу моего указания, что цена на сельскохозяйственные продукты определяется высшими производственными расходами, потому что земля находится в руках частных собственников и капитал отвлекается в промышленность. Пикус, в свою очередь, объясняет это ограниченностью лучших земель и приписывает эту наивно-ребяческую мысль Марксу.

дого бушеля резко падает [1]. Например, в районе озимой пшеницы производственные расходы падают при более интенсивной обработке земли с 2,77 доллара за бушель до 77 центов. То же самое мы видим в отношении кукурузы, стоимость производства которой падает с 4,89 доллара до 51 цента в среднем для всей страны. То же повторяется в отношении ко всем остальным сельскохозяйственным продуктам, например, для овса, производственные затраты которого падают с 1,30 доллара до 30 центов, на хлопок — с 0,71 доллара за фунт до 0,08 доллара за фунт. Следовательно, весь вопрос заключается в том, что отвлекается капитал в промышленность, и сельское хозяйство вынуждено работать при относительно недостаточном капитале и при возрастающих расходах на производство.

Что при улучшении техники производительность труда в общем возрастает, это показывает вся история развития всех стран, например, Германии, которая имеет интенсивное сельское хозяйство, где производительность труда возросла, а не упала, по сравнению с прежним экстенсивным хозяйством, благодаря применению техники.

Но, с другой стороны, таким же фактом является и то, что индустриализирующиеся сельскохозяйственные страны переходят от вывоза к ввозу сельскохозяйственных продуктов; следовательно, потребление обгоняет собственное их производство. Отсюда ясно, что спрос опережает предложение. Но это отнюдь не должно быть связано со знаменитым «законом», а является просто результатом более медленного развития сельского хозяйства, чем промышленности.

Более быстрый рост технического развития в промышленности по сравнению с сельским хозяйством — несомненный факт. Он объясняется раздробленностью сельского хозяйства, бедностью большинства мелких сельских хозяев, которые не в состоянии применять

---

[1] См. также результат обследования Лауера в Швейцарии в журнале «Berichte über Landwirtschaft», 1927.

машины, или которые еще недостаточно могут использовать эти машины в своем производстве, недостаточным культурным развитием массы сельских хозяев, которые не умеют пользоваться машинами и т. п. моментами. Но почему капиталистически организованное сельское хозяйство относительно мало вводит у себя машин? Ответ приходится искать в двух моментах: сельское хозяйство расширяет свое производство только тогда, когда цены значительно поднимаются. Но падение цен и увеличение производства являются основным условием к развитию разделения труда и применения машин. Разделение труда и улучшение техники вызывают увеличение производства, и только в этом случае улучшение способов производства становится выгодным. На самом деле, удешевленная продукция, — говорит Маркс[1], — является производством на более широкой основе. Дешевизна получается от того, что основной капитал делится на большое число продуктов. Если новая машина будет не вполне использована, то стоимость продукции будет высокой. Для того, чтобы вводить у себя современные машины, необходимо их использовать в полном размере, т.-е. значительно увеличить производство. Поскольку в сельском хозяйстве такого рода стремления к увеличению производства нет, постольку и нет побуждения к улучшению техники.

В сельском хозяйстве машины вступают в конкуренцию только с трудом, в то время как промышленные машины дают возможность не только заменять рабочих, но и увеличивать продукцию, и тем самым поставить все производство на совершенно новых целесообразных началах.

То обстоятельство, что в сельском хозяйстве машина часто не увеличивает производства, а только вытесняет рабочую силу, имеет следствием, что замена человеческого труда машиной ведет там, где не расширяется площадь посева и не переходят к более интенсивной

[1] Theorien über den Mehrwert II, стр. 170

системе обработки земли, к а б с о л ю т н о м у уменьшению числа занятых в сельском хозяйстве людей. В то же время развитие техники в промышленности хотя о т н о с и т е л ь н о и уменьшает число занятых в ней рабочих, по сравнению с возрастающим капиталом или с количеством производимых продуктов, но ведет в конце концов к тому, что общее число занятых рабочих в промышленности все-таки увеличивается. В особенности это замечается в отраслях, производящих средства производства, например, в машиностроительной промышленности в горном деле, в железоделательной промышленности и т. д. В этих отраслях общее число занятых рабочих увеличивается, но рост производства и здесь идет быстрее, чем рост занятых в них рабочих.

В сельском хозяйстве машины вытесняют рабочих из производства. Всюду, во всех странах число занятых в сельском хозяйстве уменьшается, при чем, в зависимости от степени проникновения техники в производство, уменьшение идет более или менее быстро. Часто оно так сильно, что не только весь прирост населения, но даже часть старого сельскохозяйственного населения уходит в город. Таким образом, в сельском хозяйстве образуется перенаселение, которое давит на заработную плату и на доход крестьян. Этот момент, в свою очередь, чрезвычайно задерживает развитие техники сельского хозяйства.

В промышленности, как известно, именно рост заработной платы является сильным стимулом к введению новых машин, тогда как в сельском хозяйстве этот рост заработной платы задерживается, по крайней мере, до тех пор, пока спрос на рабочую силу со стороны промышленности идет относительно медленно. Только тогда, когда быстрый рост заработной платы в городе заставляет поднимать заработную плату и в деревне, для того чтобы несколько задержать поток переселенцев деревни в город, сельские хозяева вынуждены также вводить у себя машины.

Несмотря, однако, на все трудности, на которые наталкивается введение машин в сельское хозяйство, —

только при полном незнакомстве с тем, что делается в капиталистических странах, — можно говорить, что сельское хозяйство в капиталистических странах находится еще на уровне мануфактуры. На самом же деле мы имеем довольно быстрое развитие применения техники в сельском хозяйстве, и это отмечается не только теперь, но уже с самого начала XIX века. Мюльголь [1] вычисляет рост капитала, вложенного в сельское хозяйство главнейших стран Европы, САСШ и главнейших колоний. Эти данные выражаются следующим образом: в 1840 г. капитал сельского хозяйства составлял 9 млрд. фунт., в 1860 году — 15 млрд., а в 1887 г. — 23 млрд. Если разделить этот капитал на основные его части — стоимость земли, скота и остальные части сельскохозяйственного капитала, т.-е. машины, здания и т. д., то мы имеем следующее развитие:

Годы	Земля	Скот	Остальное
	(в миллионах фунт. стерл.)		
1840	7.096	994	947
1860	11.862	1.562	1.499
1887	17.776	2.701	2.529
1891—96	17.736	2.245	1.992

Капитал, вложенный в сельское хозяйство в виде построек, машин и т. д., с 1840 по 1891—96 гг. увеличился больше, чем в два раза. В Европе он увеличился за это время с 820 до 1.539 млн. ф. ст., или почти в 2 раза, в САСШ — с 100 млн. до 337 млн. ф. ст. Таким образом, мы имеем довольно значительное развитие основного капитала в сельском хозяйстве на протяжении XIX столетия. Для САСШ мы имеем официальные исследования, которые указывают рост применения машин в сельском хозяйстве с 1900 по 1922 гг. Оказывается, что применение машин в сельском хозяйстве перед войной выразилось в следующих цифрах: в 1900 году стоимость машин равнялась 750 млн.,

[1] Dictionary of Statistics.

а в 1912 г. 1.368 млн. В промышленности за это время стоимость машин увеличилась с 2.541 млн. до 6.091 млн.[1]

После войны стоимость сельскохозяйственных машин увеличилась в 2 раза — до 2.605 млн., а в промышленности — до 15.783 млн. Эти данные подтверждают, что применение машин в промышленности идет быстрее, чем в сельском хозяйстве. Но это отнюдь не значит, что в сельском хозяйстве вообще не прибегают к машинам, что здесь не растет основной капитал. Точно также неверна мысль о том, что производительность труда в сельском хозяйстве не развивается. Она, несомненно, развивается, но опять-таки медленнее, чем в промышленности, на что указывал уже Маркс. По исследованиям Кинга, производительность труда в сельском хозяйстве Америки с 1880 г. до 1910 г. шла даже относительно быстрее, чем в американской промышленности. Насколько эти вычисления точны, — трудно сказать. Во всяком случае, известно, что производительность труда в американском сельском хозяйстве с 1870 по 1920 г. увеличилась на 82%. По вычислению Кинга, стоимость продукции сельского хозяйства на одного рабочего составляла в 1910 г. 391 доллар, а в промышленности 849 долларов, производительность труда в промышленности превышает производительность труда в с.-х. несколько больше, чем в два раза. По нашим вычислениям стоимость продукции сельского хозяйства на 1 занятого составляла в 1925 г. 1.241 долл., а в промышленности — 2.732 долл. Эта разница не настолько значительна, чтобы отсюда делать выводы относительно возможности или невозможности кризисов в сельском хозяйстве. Ведь производительность труда во всех остальных промышленных странах по сравнению с Америкой, по крайней мере, в 2—4 раза ниже, и тем не менее эти страны переживают про-

---

[1] Число занятых в сельском хозяйстве за это время не увеличилось, а в промышленности почти удвоилось. Все же в промышленности в 1920 г. приходилось на 1 занятого на 1.144 долл. машин, а в сельском хозяйстве — 228,5 долл. В 1900 г. в промышленности было машин на 341 долл. на 1 рабочего.

мышленные кризисы. Точно так же накопление основного капитала в начале XIX столетия во всех промышленных странах было несомненно более медленным, чем оно теперь идет в сельском хозяйстве САСШ, и тем не менее все эти страны переживали промышленные кризисы.

Какие же моменты могли бы задержать развитие кризисов в сельском хозяйстве?

2. Цикличность аграрного кризиса

Бывают ли аграрные кризисы в смысле расхождения между ценами и производственными расходами? [1].

Испытывает ли сельское хозяйство не только падение дифференциальной ренты как результат изменившихся условий производства, но и регулярные кризисы перепроизводства, подобно промышленности, когда цены падают ниже средней стоимости продуктов?

Если мы «раствор ножниц» в пользу промышленности примем как выражение кризиса сельского хозяйства, так как при таком соотношении цен сельское хозяйство не в состоянии покрыть свои расходы, то такие кризисы и в сельском хозяйстве периодически повторяются, как это вытекает из приводимой таблицы (стр. 49—50) индексов цен на с.-х. и на промышленные товары и их взаимоотношений.

Мы видим правильную цикличность: 1873 год наименее благоприятен для сельского хозяйства; затем

[1] Зеринг в своей работе Agrarkrisen und Agrarzölle понимает под аграрным кризисом такое расхождение между ценами и производственными расходами, которое «многим землевладельцам грозит потерей всего их имущества, а целым округам — обезлюдением». В этом смысле аграрные кризисы относительно редкое явление. Но теоретически правильно понимать и под аграрным кризисом падение средней нормы прибыли, вызванное расхождением между стоимостью продукции и ценами на сельскохозяйственные продукты, независимо от того, ведет ли такое падение нормы прибыли к разорению, обезлюдению и т. д. Это — вопрос степени и продолжительности кризиса и только.

следуют годы 1886, 1896, 1905, 1913. Относительно благоприятнее для сельского хозяйства годы: 1871, 1877 или 1878, 1883, 1891, 1898, 1909 и затем 1915 г.

Если рассматривать движение цен на сельскохозяйственные продукты отдельно, независимо от их отношения к промышленным продуктам, то и тогда мы наблюдаем правильную цикличность — годы высших и низших цен на с.-х. продукты чередуются между собой: 1873 г. — высший пункт (в Англии — 134), 1879 г. — низший (113), 1880 г. — новый подъем цен (117), 1896 г. — самые низкие цены (77), затем подъем, и в 1900 г. — 86, потом понижение — до 1903 г. (82) и, наконец, новый подъем до 1912 г. (101). Почти правильный десятилетний цикл (см. диаграмму на стр. 137).

И несмотря на «теорию», что капиталистическое сельское хозяйство не подвергается регулярным кризисам, «теорию», исключающую второе, отчасти элементы первого, подразделение, производство предметов потребления и сырья, из анализа процесса воспроизводства и цикличных кризисов — приходится констатировать не только цикличные колебания общего уровня цен на с.-х. продукты, но и почти полный параллелизм в движении цен на промышленные товары и на сельскохозяйственные продукты.

Ни цикличности, ни связи между общим промышленным оживлением и движением цен на сельскохозяйственные продукты серьезный исследователь отрицать не будет. Эту связь признает, между прочим, и Норс, который пишет:

«В течение 175 лет, истекших с начала промышленной революции, американское земледелие развивалось в связи с ростом современного западноевропейского индустриализма и в значительной степени в зависимости от этого последнего. Как размер, так и характер нашего сельскохозяйственного развития в немалой мере определялись рыночным спросом на пищевые продукты и промышленное сырье, возникшим вследствие роста европейских

Индексы цен в Англии и Германии[1]

Годы	Германия		Англия		На 100 единиц с.-хоз. прод. приходится промышленных	
	Сел.-хоз. продукция	Пром. продукция	Сел.-хоз. продукция	Пром. продукция	В Германии	В Англии
1870	115,4	110,8	116	135	104,2	85,9
1871	127,3	113,0	122	137	112,7	89,1
1872	129,3	155,0	127	157	83,4	80,9
1873	135,8	175,6	134	154	77,3	87,0
1874	138,8	142,3	130	136	97,5	95,6
1875	131,2	123,0	125	126	106,7	99,2
1876 . . .	130,1	114,9	123	123	113,2	100,0
1877	136,6	107,5	126	121	127,1	104,1
1878	123,5	98,9	119	110	124,9	108,2
1879	104,9	99,9	113	106	105,0	106,6
1880	118,2	113,8	117	114	103,9	102,6
1881	115,3	104,8	113	109	110,0	103,7
1882	106,8	105,0	111	109	101,7	101,8
1883	107,1	101,4	111	105	105,6	105,7
1884	96,5	96,5	98	99	100,0	99,0
1885	90,8	93,0	92	95	97,6	96,8
1886	84,4	89,6	89	91	94,2	97,8
1887	85,5	90,9	88	91	94,1	96,7
1888	93,6	96,6	89	94	96,9	94,7
1889	102,3	108,4	93	95	94,4	97,9
1890	105,2	123,1	91	96	85,5	94,8
1891	122,1	108,8	96	93	112,2	103,2
1892	106,3	99,1	91	89	107,3	102,2
1893	95,3	96,7	89	89	98,6	100,0
1894	87,9	94,0	82	81	93,5	101,2
1895	85,7	92,1	80	81	93,1	98,8
1896	85,0	95,2	77	81	89,3	95,1
1897	94,9	98,0	81	80	96,8	101,3
1898	101,6	102,1	85	83	99,5	102,4
1899	96,2	116,0	81	95	82,9	85,3
1900	95,8	137,2	86	109	69,8	78,9
1901	95,2	116,2	84	98	81,9	85,7

[1] Anlagen zu den Berichten des Agrar-Anquete-Ausschusses (1880 — 1889 = 100).

Годы	Германия		Англия		На 100 единиц с.-хоз. прод. приходится промышленных	
	Сел.-хоз. продукция	Пром. продукция	Сел.-хоз. продукция	Пром. продукция	В Германии	В Англии
1902	96,5	110,1	84	96	87,6	87,5
1903	94,8	111,2	82	98	85,3	83,7
1904	100,1	110,4	85	98	90,7	86,7
1905	104,8	112,1	86	102	93,5	84,3
1906	102,1	124,5	86	112	82,0	76,8
1907	115,4	137,6	89	117	83,9	76,1
1908	112,5	122,8	89	100	91,6	89,0
1909	115,0	117,7	91	102	97,7	89,2
1910	109,1	120,0	92	110	90,9	83,6
1911	120,7	120,7	93	112	100,0	83,0
1912	132,9	137,2	101	120	96,9	84,2
1913	116,6	141,8	96	123	82,2	78,0
1914	124,2	138,6	101	120	89,6	84,2
1915	152,4	151,3	134	147	100,7	91,2
1916	144,1	144,4	162	190	99,9	85,3
1917	140,7	146,0	211	243	96,4	86,8
1918	189,0	195,2	216	280	96,8	77,1
1919	98,6	170,1	231	301	58,0	76,7
1920	101,2	200,6	289	353	50,4	81,9
1921	87,5	137,3	197	219	63,7	90,0
1922	89,2	130,9	163	181	68,1	90,1
1923	87,9	187,0	153	184	47,0	83,2
1924	130,0	202,8	163	199	64,1	81,9

промышленных наций, в особенности Соединенного королевства и Германской Империи.

Этот факт в общем, конечно, известен всякому человеку, знакомому с экономической историей Соединенных Штатов». («Американское хозяйство и европейский рынок», изд. «Планов. хозяйство», 1926 г., стр. 31).

Этим [1] Норс подтверждает приведенную мысль Маркса о повышении цен на сельскохозяйственные про-

[1] Некий И. М-ов в рецензии на нашу работу «Мировое Хозяйство до и после войны» т. III, ч. I, заявляет, что мои «ссылки на Мизесов и Норсов приобретают особенно неприятный привкус». О «вкусах»

дукты вследствие перепроизводства основного капитала. Подъем промышленности, связанный с расширенным воспроизводством основного капитала, и вызывает подъем цен на с.-х. продукты, в то время как кризис промышленности, как мы говорили в статье «Теории кризиса Маркса» [1], вызывает понижение цен и на сырье и вообще на с.-х. продукты [2]. К концу промышленного цикла цены на промышленные изделия часто обгоняют цены на сельскохозяйственные продукты, и кризис сельского хозяйства может наступить уже в последний фазис промышленного подъема.

Вопрос о взаимоотношениях между ценами на сельскохозяйственные и на промышленные продукты обсуждался не раз в экономической литературе. Но к нему подходили, так сказать, с другого конца: искали причину промышленных кризисов в положении сельского хозяйства.

Так, Туган-Барановский, возражая против теории Джевонса, подробно изучает движение цен на пшеницу в Англии. Результаты, к которым он приходит, сводятся к следующему:

не спорят. Кто читал Маркса и Ленина, знает, что и они ссылались на «Норсов и Мизесов», т. е. буржуазных ученых. Но главное заключается в следующем: Я не ссылался на Мизеса, а критиковал его, ссылаясь на Маркса. Рецензент написал «Мизес», где я пишу «Маркс». Далее, я говорю: «Этим Норс подтверждает», т. е. теми фактами, которые он констатирует, а ретивый рецензент опустил слово «этим», и получился на самом деле неприятный запах... от таких «рецензий»...

[1] «Мировое хозяйство до и после войны», т. III, ч. 1.

[2] «Повышение цены, — говорит Маркс, — приводит к следующим последствиям: 1) сырые материалы (то же относится и к сельскохоз. продуктам. Спектатор) начинают подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки производства; 2) производство их расширяется... и 3) пускаются в ход всякого рода суррогаты...». К этому надо прибавить, что вместе с повышением цен сокращается потребление, что, с другой стороны, начавшийся в сельском хозяйстве процесс расширенного воспроизводства не может быть в течение определенного времени прерван, и причина падения цен во время промышленного кризиса, а вместе с этим и наступления сельскохозяйственного кризиса станет совершенно ясной.

«Годы промышленного оживления 1824—25 характеризуются высокими ценами на хлеб; годы промышленного расстройства 1826—28 — низкими ценами. В 30-х годах соответствие между колебаниями цены пшеницы и колебаниями промышленности несомненно наблюдается: эпоха промышленного оживления 1833—36 гг. соответствует низким ценам пшеницы, а эпоха торгового застоя 1837—42 гг. — высоким ценам. В 40-х годах точно так же промышленный кризис приходится в год сильного поднятия цен на пшеницу. Но зато в 50-х годах очень трудно заметить какую-либо связь между состоянием промышленности и ценой пшеницы. Промышленный кризис 1857 г. приходится в год падения цены пшеницы, которая достигает наименьшего уровня в 1858 г. — в период наибольшего застоя торговли. В 60-х годах опять наблюдается полное соответствие между движением цены пшеницы и состоянием промышленности; кризис 1866 г. наступает после низких цен на пшеницу, а годы высоких цен 1867—68 сопровождаются торговым застоем. Но вслед затем, во время высоких цен 1871—73 гг. английская промышленность достигает небывалого процветания. В новейшее время нельзя заметить никакого соответствия между хлебными ценами и фазисами промышленного кризиса» (Туган-Барановский. «Периодические промышленные кризисы», 1923 г., стр 211).

По отношению к промышленным странам необходимо перевернуть положение Джевонса и сказать, что цена на сельскохозяйственные продукты зависит от движения цен на промышленные продукты, и что, наоборот, слишком высокие цены на сельскохозяйственные продукты, которые являются результатом расширенного воспроизводства в промышленности, вызывают подъем заработной платы, а также подъем цен на сырье, и наступление промышленного кризиса после сильного подъема цен на сельскохозяйственные продукты становится совершенно ясным. Указание Туган-Барановского, что промышленный кризис 1857 г.

приходится в год падения цены на пшеницу, не опровергает сказанного. Если взять не только цену пшеницы, а цену съестных припасов вообще, то 1857 г. показывает высший пункт движение цен. По данным «Статистического Ежегодника Франции» («Annuair Statistique» за 1922 г.) движение цен на съестные припасы в Англии было следующим:

Годы	Съестные припасы (в среднем 1901—10 = 100)	Остальные продукты
1853	131	127
1854	145	137
1855	145	133
1856	142	134
1857	146	141
1858	126	123

Мы видим, что 1857 г., который по Туган-Барановскому является уже годом промышленного кризиса, дает еще общее повышение цен как на съестные припасы, так и на сырьевые продукты, и только следующий год вызывает резкое понижение цен, при чем характерно, что, начиная с 1853 г., повышение цен на сельскохозяйственные продукты и на сырьевые продукты поднимается одинаково на 10%. Подъем цен на эти продукты и вызвал, вероятно, промышленный кризис, так как надо полагать, что цены на готовые изделия, данных о которых у нас нет, не соответственно поднялись. Затем Туган-Барановский указывает, что кризис 1866 г. наступил после низких цен на пшеницу. Указание это не совсем точно. Цена на пшеницу в 1866 г. успела значительно подняться по сравнению с ценами в предыдущие годы. Общий индекс цен падает уже с 1864 г. Высший уровень продукции железа приходится в Англии на 1864 г., 1865 г. не дает никакого повышения, а 1866 г. дает слабое понижение. В продукции угля мы не замечаем понижения в 1866 г. Высший пункт приходится на 1867 г., и только в 1868 г. наступает некоторое понижение. Мы можем, следовательно, о 1866 г. говорить как о застое, а не о кризисе. Затем

в годы 1871—73, последовавшие за франко-прусской войной, цена на сельскохозяйственные продукты поднялась в соответствии с общим резким подъемом цен на промышленные товары. В новейшее время, — говорит Туган-Барановский, — нельзя заметить никакого соответствия между хлебными ценами и фазисами промышленного цикла. Выше мы привели сопоставление между движением цен на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары. Мы нашли полное соответствие между этими колебаниями. На самом деле, если взять движение цен на пшеницу, чугун и общий индекс товарных цен, то определенное взаимоотношение между движением общих товарных цен, ценами на чугун и ценами на пшеницу установить можно, как видно из следующей таблицы[1]:

Годы	Цена на пшеницу в Лондоне	Цена на чугун (1900 г. = 100)	Общий индекс товарных цен
1880	164,7	76,1	129,6
1881	168,4	65,8	127,3
1882	167,5	66,8	128,4
1883	154,5	61,8	126,8
1884	132,5	54,7	114,7
1885	122,0	51,3	107,7
1886	115,2	50,6	101,6
1887	120,7	54,9	99,6
1888	118,3	50,4	102,7
1889	110,5	59,5	104,0
1890	118,6	72,6	104,0
1891	137,5	62,4	107,4
1892	112,4	61,2	101,8
1893	97,8	55,7	100,0
1894	84,8	54,6	94,2
1895	85,8	59,9	91,0
1896	97,2	56,7	88,2
1897	112,1	57,3	90,1
1898	126,3	62,5	93,2

[1] Statistical Tables and Charts, relating to British and Foreign Trade and Jndustry (1854—1908), London, 1909.

Годы	Цена на пшеницу в Лондоне	Цена на чугун (1900 г. = 100)	Общий индекс товарных цен
1899	95,7	82,6	92,3
1900	100,0	100,0	100,0
1901	99,4	74,6	96,9
1902	104,3	77,1	96,5
1903	99,4	75,1	96,9
1904	105,3	69,6	98,3
1905	110,5	75,0	97,6
1906	105,3	83,2	100,5
1907	113,6	88,2	105,7
1908	118,9	75,3	102,8

Цена одного какого-нибудь продукта может меняться под влиянием различных случайных моментов, в особенности если речь идет о растительных веществах, цена на которые зависит от случайных урожаев. Тем не менее, в приведенной таблице легко заметить определенную правильность в движении цен. Высшая точка общего индекса приходится на 1880 год. Цена на чугун также показывает высший пункт в 1880 г. И на самом деле, 1880 г. является переломным пунктом, после которого цены идут вниз. Между тем цена на пшеницу показывает еще в 1881 г. некоторый подъем, после этого и она падает в общем и целом параллельно общему движению цен, которое, однако, уже с 1887 г. показывает новый поворот вверх, между тем как цены на пшеницу начинают подниматься после 1889 г., что является следствием нового оживления промышленности. 1891 г. был с точки зрения урожаев исключительным вследствие голода в России. Поэтому цены на пшеницу дают резкое повышение, но и общий индекс показывает еще в этом году некоторое повышение, хотя этот год несомненно является уже кризисным. В следующие годы цена на пшеницу падает, как и общий индекс до 1896 г., при чем в данном случае мы имеем уже повышение цены на пшеницу, начиная с 1896 г., когда общий индекс не показывает еще повышения. Повидимому, это повышение цены на пшеницу

вызвано случайными моментами. Следующее повышение цен идет в общем параллельно с повышением общего индекса цен, хотя поднимается более быстро, чем общий индекс или чем цена на чугун, и только в 1900 г. общий индекс, как и цена на чугун, показывает более резкое повышение. После 1900 г. общий индекс цен падает сильнее, чем цена на хлеб; в особенности резко падает цена на чугун, но, начиная с 1904 г., движение цен, в связи с новым оживлением промышленности, делает новый поворот вверх. И из этих данных можно, следовательно, в общем и целом установить определенную зависимость цен на хлеб от общего развития конъюнктуры хозяйства.

Вопросу о взаимоотношениях между ценами на промышленные продукты, иначе говоря, вопросу о связи между ценами на сельскохозяйственные продукты и промышленными циклами, посвящена статья в журнале «The Agricultural Situation» за июнь 1927 г. Она принадлежит руководителю экономической секции американского с.-х. департамента Бину. К сожалению, здесь приводится диаграмма, которую мы дали[1] без точного цифрового материала, и мы вынуждены отсюда взять только заключение, которое сделано на основе изучения движения цен на сельскохозяйственные продукты в САСШ, начиная с 1875 г.

1. С 1875 г. было шесть периодов сравнительно низких цен на сельскохозяйственные продукты. За каждым из таких периодов следовал период промышленного расцвета.

2. За этот же период (50 лет) наблюдалось пять периодов сравнительно высоких цен на сельскохозяйственные продукты. За каждым из этих периодов высокой сельскохозяйственной конъюнктуры, за исключением одного, следовал период промышленной депрессии.

3. Каждый период повышения промышленной конъюнктуры начинался в период низких цен на

[1] Об Америке; диаграммы о движении цен в Германии и Англии построены нами.

сельскохозяйственные продукты и кончался при повышении цен на сельскохозяйственные продукты.

4. Это обратное соотношение между ценами на сельскохозяйственные продукты и общей конъюнктурой более выпукло выступает в первое двадцатипятилетие исследуемого нами периода, чем в последние 25 лет.

5. Периоды сравнительно низких сельскохозяйственных цен колебались в своей продолжительности от 3½ до 6 лет, а периоды высоких цен — от 3½ до 4½ лет. Продолжительность соответствующих периодов высокой промышленной конъюнктуры и депрессии была менее регулярна.

6. Повышение или понижение цен колебалось между 10% выше и 10% ниже средних цен (за исключением периода войны и послевоенного времени). Промышленная конъюнктура в первую половину рассматриваемого нами периода колебалась приблизительно между 15% выше и 15% ниже среднего уровня и около 10% в ту и другую сторону в последние 25 лет.

Встает вопрос — является ли это соотношение случайным совпадением, или же оно имеет экономическое обоснование? Тот факт, что соотношение между колебанием цен на сельскохозяйственные продукты и промышленной конъюнктурой можно неизменно проследить на протяжении каждого из 11 периодов, за исключением одного, приводит к выводу, что колебания цен на сельскохозяйственные продукты или сами по себе являются факторами общеэкономической конъюнктуры, или же представляют собой факторы, влияющие на промышленное благосостояние. Исследование влияния сельскохозяйственной продукции, цен и доходов на промышленную конъюнктуру приводит к выводу, что соотношение между ними не является случайным совпадением.

Таким образом, Бин не только признает правильность цикличного движения цен на сельскохозяйствен-

ные продукты, но и совершенно определенное взаимоотношение между ценами на промышленные и сельскохозяйственные продукты [1], более того, все что он констатирует о развитии с.-х. и промышленности, как нельзя лучше подтверждает нашу теорию общих кризисов. Колебания промышленной конъюнктуры зависят от взаимоотношений между ценами на готовые изделия и на с.-х. продукты и на другие виды сырья.

3. Аграрные кризисы за прошлое столетие

Если мы, таким образом, констатируем не только определенную цикличность, но и зависимость движения цен на сельскохозяйственные продукты от движения цен на промышленные, то почему мы не так часто говорим о сельскохозяйственных кризисах, как мы говорим о промышленных кризисах? Объяснение этому факту лежит несомненно в том, что (на это мы указываем в первой главе) изменение цен на съестные припасы, как основные продукты сельского хозяйства, не настолько значительно, чтобы вызывать те явления, которые обычно характеризуются как кризис, именно — разорение предпринимателей, банкротства и т. д. Так, если взять периоды общего подъема цен, каким является, например, период с середины 90 гг. до начала войны, то за это время мы имеем кризисные годы: 1900 и 1907, а в САСШ и 1911 г. Общее понижение уровня цен в Англии в 1900 г. составляло приблизительно 4%, понижение цен на сельскохозяйственные продукты — 3%. После 1907 г. цены на сельскохозяйственные продукты в общем не показывают уменьшения, в то время как общий индекс цен падает приблизительно на 8%. Но все же эти колебания цен сказываются на положении

[1] В мартовском номере того же журнала, анализируя движение цен за 90 лет, он делает меткое замечание, что подъем цен на сельскохозяйственные продукты в периоды 1847—59 и 1907—15 гг. объясняется отставанием сельскохозяйственной продукции от промышленной. Этого, как мы видим, не усвоили и некоторые марксисты.

сельского хозяйства, хотя и относительно слабо. Наоборот, в периоды общего падения цен, т.-е. продолжительных застоев в промышленности, мы имеем продолжительное и сильное падение цен на сельскохозяйственные продукты, которое, правда, может компенсироваться, так как цены на промышленные продукты падают еще значительнее, и производственные расходы могут пасть сильнее, чем цены на сельскохозяйственные продукты. Но при неравномерности падения цен получается расхождение между стоимостью сельскохозяйственных продуктов и ценами на них. Наступает тяжелый кризис и в сельском хозяйстве. В особенности это бывает в тех случаях, когда в предшествующий период, вследствие расширения продукции сельского хозяйства, без улучшения техники, переходят к производству при более дорогих условиях. Если наступает потом сокращение потребления, то это означает, что общественная стоимость сельскохозяйственной продукции резко понижается, и вместе с этим падают, конечно, и цены на сельскохозяйственные продукты, часто в больших размерах, чем падают производственные расходы.

Что уже кризис после наполеоновских войн является одновременно и результатом общего промышленного кризиса и разорения широких слоев населения, констатируют не только историки, изучавшие этот кризис, но в этом можно убедиться также и из того обстоятельства, что ввоз хлеба в Англию, несмотря на слабое развитие собственной продукции, упал по сравнению с ввозом за 10 лет (1801—10 гг.), и это несмотря на то, что население за это время увеличилось[1]. Ввоз в среднем за годы 1801—10 составлял 601 тыс. четвериков, а за следующее десятилетие (1811—20) он выразился в среднем в 459 тыс. четвериков, за годы 1821—30 — в 535 тыс. четвериков. Портер вычисляет, что в среднем на каждую душу населения ввоз составлял полтора

[1] Ввоз был запрещен, если цены на пшеницу стояли ниже 80 шилл. за четверик.

галлона за все это время. Цены за эти годы резко пали по сравнению с ценами в среднем за десятилетие (1810—1819 гг.). Одновременно мы видим некоторое расширение запашек земли, несмотря на понижение цен. Следовательно, производственные расходы, по крайней мере на лучших фермах, пали еще ниже, ибо, по всей вероятности, цены на промышленные изделия упали гораздо сильнее. Так как зарплата не особенно сильно поднялась, то действительное положение сельских хозяев было вовсе уже не таким тяжелым, как можно было бы судить по беспрерывным жалобам, которые раздавались с их стороны. Как бы то ни было, несомненный толчок к падению цен дало сокращение потребления вследствие общего обеднения масс населения. Следующий подъем цен стоит в непосредственной связи с оживлением промышленности.

Кризис конца 70-х гг. прошлого столетия приводит к относительно слабому падению цен на пшеницу. С 1871—1875 по 1878—80 гг. цена на пшеницу падает с 54 шилл. 8 пенсов до 47 шилл. 6 пенсов, или на 13%. За следующее пятилетие падение цен выражается в 15,6%, а в годы 1886—90 цены падают еще на 21,6% — до 31 шилл. 5 пенсов за четверик. Несмотря на такое резкое падение цен, потребление все-таки не увеличивается. Наоборот, оно падает и составляет в 1880—84 гг. 364 ф. на душу, а в 1885—89 гг. — 356 ф. на душу.

Кризис конца 70-х гг. зависел, как установлено тогдашним английским официальным обследованием, не столько от низких цен на сельскохозяйственные продукты, сколько от того, что, одновременно с тенденцией падения цен, Англия имела неурожайные годы, вследствие чего и общие доходы фермеров сильно понизились. Такое объяснение кризисов мы находим также у Портера, Богарта и у других исследователей этой эпохи. Надо к этому еще прибавить, что вместе с ростом индустриализации страны шел процесс отвлечения рабочих сил из деревни в город, вследствие чего росла зарплата. При падающих ценах на сельскохозяй-

ственные продукты — рост зарплаты, несмотря на понижение цен на промышленные продукты, должен был вызвать рост расходов на продукцию, и этот рост не мог быть покрыт соответствующим повышением цен. В основе этого кризиса лежит, следовательно, падение цен в результате депрессивного состояния народного хозяйства и сокращения потребления хлебов.

Мюльгаль в своей «Статистической энциклопедии» на стр. 286, 717, 719 дает несколько иной подсчет развития продукции, потребления хлебов и мяса в Англии, чем тот, который мы привели в первой главе. По его данным мы имеем следующие цифры производства и потребления хлебов и мясных продуктов за исследуемый нами период:

Годы	Продукция		Ввоз		Потребление		Потребление на 1 душу	
	хлебов	мяса	хлебов	мяса	хлебов	мяса	хлеб	мясо
1861—70	9,7	1,04	32,8	0,13	13,0	1,17	358	88
1871—80	8,5	1,05	56,9	0,29	14,2	1,34	380	91
1881—90	7,8	1,08	71,5	0,57	15,0	1,65	385	103
1891—96	7,7	1,10	53,0	0,70	16,5	1,80	390	105

Таким образом, потребление хлебов увеличивается в 80-х гг. по сравнению с 70-ми на 5 фунтов, или на 1%, потребление мяса — на 11% и на 2% в следующее пятилетие. Надо, однако, иметь в виду, что стали потреблять мясо более низкого качества: вместо свежего английского мяса, стали в большом количестве потреблять замороженное заокеанское мясо. Вследствие этого говорить о значительном увеличении потребления мяса не приходится. Если к этому прибавить, что одновременно происходило передвижение населения из деревень в города, из сельского хозяйства в промышленность, и что вместе с этими изменениями социального состава населения изменяется и характер его потребления, так как в городах и в промышленности приходится потреблять больше мяса, чем в деревнях и при работах на свежем воздухе, то мы можем, в общем и целом, констатировать застой потребления мясных продуктов, если даже не уменьшение его для тех слоев,

которые его раньше потребляли в более или менее значительных размерах. Да иначе и быть не могло, так как нельзя себе представить, чтобы в годы относительного застоя промышленности возросло потребление хлебов. Если даже потребление хлопка почти не увеличивается (1880 г. — 1,4 ф., 1881—86 — 1,45 ф. и 1892—96 — 1,48 ф.), то как можно себе представить, что возрос спрос на мясные продукты за это время? Резюмируем: понижение потребления вызвало необходимость понижения цен и вместе с тем и подвоз хлеба из тех областей, где он производился по более низким производственным расходам, т.-е. ввозить его из стран, которые были в состоянии производить дешевле. Если к этому еще прибавить, что тот же кризис влиял на высоту фрахтов, заставляя понижать их, что он выгнал большие массы европейского населения в заокеанские страны и тем самым способствовал усилению сельскохозяйственной продукции в этих новых сельскохозяйственных странах, что он и в сельском хозяйстве, и в промышленности усилил тенденцию к улучшению продукции путем механизации и вообще путем введения различных новых способов производства, то для нас станет совершенно ясным, что коренные причины всей той пертурбации, которую испытывало мировое сельское хозяйство и специально европейское, лежали в промышленном кризисе. Подобно тому, как промышленные кризисы вызывали целые перевороты в способах производства обрабатывающей промышленности и содействовали передвижению центра производства из Англии в Германию, также они содействовали передвижению центра производства сельскохозяйственных продуктов в Америку и Россию, переходу к новым способам производства в самой Европе.

Итак, поскольку под кризисом мы понимаем падение цен ниже рыночной стоимости или ниже производственной цены, т.-е. резкое падение нормы прибыли, — постольку сельское хозяйство, по крайней мере, капиталистическое — так же подвержено циклическим колебаниям, как и промышленность. Однако, эти циклические

колебания в сельском хозяйстве не всегда сказываются так разрушительно, как в промышленности, вследствие того, что колебание цен на основные продукты сельского хозяйства часто более слабо, чем на промышленные, а также вследствие того, что производственные расходы быстро понижаются, и рентабельность сельского хозяйства снова восстанавливается, а отчасти также вследствие большей продолжительности оборота капитала в сельском хозяйстве, так что для разорения широких слоев сельского хозяйства необходимо, чтобы кризис тянулся в продолжение значительного периода времени. Поэтому тот кризис, о котором говорит Зеринг, и который «многим земледельцам грозит потерей всего их имущества, а целым округам — обезлюдением», — действительно является относительно редким, связанным с продолжительным промышленным кризисом, при том с таким, при котором цены на промышленные изделия и заработная плата понижаются относительно медленнее, чем цены на продукты сельского хозяйства. Такой кризис ведет к полному изменению способов производства и вместе с этим к сокращению доходов сельского хозяйства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Некоторые вопросы теории аграрного кризиса[1]

Начнем с определения цены на сельскохозяйственные продукты. Это основной вопрос. В тот период развития капиталистического хозяйства, когда шел еще процесс расширения площади, цена определялась на худшей площади при определенных условиях. Но вместе с развитием техники, интенсификацией сельского хозяйства и т. д., цена определяется дальнейшими затратами на той же площади, которые являются менее выгодными, чем предыдущие или чем затраты на новые площади. Почему эти затраты являются менее выгодными? Потому ли, что действует закон падения производительности последовательных затрат?

Ничего подобного, конечно. А потому, что технический прогресс идет медленно. А почему применение техники развивается медленно? Потому, что капитал отвлекается в промышленность. Отсюда ясно, что недостаток в сельскохозяйственных продуктах, который приводит к тому, что цены на с.-х. продукты определяются высшими производственными расходами, вызывается тем фактом, что промышленность развивается быстрее, чем сельское хозяйство, что имеет место перепроизводство основного капитала в промышленности, и что относительно недостаточно развивается техника сельского хозяйства.

Говорить, что цены на сельскохозяйственные продукты определяются в настоящее время производственными расходами на худших землях и только, значит

[1] Из речи в ИКП.

по ученически повторять то, что Маркс говорил о первой форме ренты, не понимая исторической обусловленности этой формы ренты.

Ленин писал:

«Теория Маркса различает ренту двоякого вида: дифференциальную и абсолютную. Первая есть результат ограниченности земли, занятости ее капиталистическими хозяйствами, совершенно независимо от того, существует ли собственность на землю и какова форма землевладения.

Между отдельными хозяйствами на земле неизбежны различия, проистекающие от различия в плодородии земли, в местоположении участков по отношению к рынку, в производительности добавочных вложений капитала в землю.

Для краткости можно суммировать эти различия как различие лучших и худших земель. Далее, цену производства земледельческого продукта определяют условия производства не на средних, а на худших землях, так как продукт одних лучших земель недостаточен для покрытия спроса». (Ленин, т. IX, стр. 491—492).

Понятие «лучшие» и «худшие» земли для Ленина имеют особое значение. Ленин говорит и о различной производительности добавочных вложений.

Для современных капиталистических стран с интенсивной сельскохозяйственной культурой именно этот последний момент является решающим в определении цен на сельскохозяйственные продукты. Дальнейшие затраты могут дать меньшие результаты в том случае, когда техника не улучшается. А это происходит оттого, что капитал отвлекается в промышленность.

Что касается вопроса о кризисе в 20-х и 70-х гг., то тов. Пикус выдвигает против нас цитату из «Капитала», которая осталась для нее неясной отчасти потому, что перевод не совсем точный. В немецком тексте Маркс говорит: «фермеров обманывали (geprellt) с 1815 до 30-х гг. Отсюда (agricultural distress) угнетенное состояние земледелия, как постоянная тема на протяжении всего этого времени. Отсюда — экспроприация и разорение целого поколения фермеров в течение этого

периода и замещение их новым классом капиталистов». (Маркс, т. III, ч. II, стр. 167).

Теперь, очевидно, что Маркс не говорит о кризисе, а об «обмане арендаторов» и экспроприации их именно этим путем.

Что касается кризиса 70-х гг., то приведенная цитата из «Капитала» здесь не при чем. Энгельс говорит в этом месте об ухудшении условий жизни лендлордов, следовательно, разбирает этот вопрос исключительно с точки зрения ренты. Далее, Энгельс говорит исключительно о кризисе в Европе; он несколько раз подчеркивает, что этот кризис вызывает разорение только европейских землевладельцев. Между тем, в моем предисловии к Зерингу я говорю: «Эти указания (речь идет об объяснении Зерингом кризиса 70-х гг. конкуренцией со стороны Америки, России и Аргентины), несомненно до известной степени правильны, но они не могут объяснить всей проблемы кризиса, ибо неясно, что вызвало падение цен в самой Америке, Аргентине и России». Отсюда видно, что я вовсе не отрицаю значения падения ренты вследствие того, что на европейских рынках появился хлеб из новых стран, а только ищу еще другую причину вызвавшую изменения условий ценообразования. Если конкуренция Америки, России и Аргентины побила сельское хозяйство Европы, то надо еще выяснить, почему падали цены в этих странах. Конечно, можно ссылаться на то, что в самой Америке и других странах производство передвинулось к другим центрам, которые могли доставлять хлеб по более низким ценам. Однако, ведь вопрос заключается в том, почему спрос не шел впереди предложения. Ведь обычно цены на сельскохозяйственные продукты определяются таким образом, что спрос идет впереди предложения, и поэтому они поднимаются до уровня высших производственных расходов. Следовательно, для того, чтобы объяснить падение цен, еще мало установить, что производственные расходы пали, а необходимо

еще объяснить почему спрос не развился в соответствии с производством, что вызвало перепроизводство, и цены стали определяться уже более низкими производственными расходами, чем раньше. К этому следует еще прибавить, что общая мировая продукция пшеницы, поскольку она поддается учету, мало увеличилась.

Она определяется Баллодом (Grundriss der Statistik, стр. 80) следующими цифрами (в миллионах тонн):

В среднем за год:

1878—80	53,40
1881—83	57,55
1884—86	57,59
1887—89	58,87
1890—93	58,27

Из этих данных видно, что большого увеличения мировой продукции не было, так как она поднялась в течение 12 лет всего на 9%, что, естественно, не могло вызвать значительного переполнения рынка и понижения цен.

С другой стороны, мировая сельскохозяйственная литература, которая исследовала этот период времени, констатирует несомненно понижение потребления хлебов в различных странах. Так, если даже взять чисто официальные данные германского правительства из Statistisches Handbuch, то мы имеем следующие цифры потребления ржи и пшеницы на душу населения: в 1878—83 гг. — 188,6 клгр., в 1883—88 гг.— 183,5 клгр., в 1888—93 гг. — 176,5 клгр. В другой официальной публикации германского правительства «Materialien zur Beurteilung der Wohlstandsentwicklung Deutschlands im letzten Menschenalter, Berlin, 1908, дается потребление пшеницы и ржи в различных странах, при чем приводится также потребление и в САСШ, где оно было за годы (см. стр. 68).

1880—1884	119,7	кг.	на душу	населения
1885—1889	113,4	»	»	»	»
1890—1894	99,1	»	»	»	»
1895—1890	89,9	»	»	»	»
1900—1904	138,8	»	»	»	»

Отсюда видно, что в течение определенного времени потребление хлебов уменьшилось даже в Германии и САСШ [1].

Тов. Пикус полагает, что уменьшение потребления произошло от богатства.

Однако, рост благосостояния приводит к абсолютному повышению потребления хлеба [2].

Бюджетные обследования показывают, что «от богатства» происходит не уменьшение потребления, а замедление его роста, что повышение благосостояния не приводит к уменьшению потребления хлеба.

---

[1] Цифры урожаев подверглись всякого рода сомнениям со стороны тов. Варги и Лященко, хотя совершенно не основательно, так как никак нельзя представить себе, чтобы неточные данные в различных странах указывали одно и то же направление. На самом деле, почему именно в одни годы статистика стала показывать понижение потребления, а в следующие годы повышение?

[2] Так как тов. Варга на собрании в ИКП в опровержение этого нашего заявления стал приводить доводы «от собственного опыта», то не лишены интереса данные известного германского бюджетного обследования от 1909 г. На стр. 34—35 приводятся следующие данные о потреблении в зависимости от благосостояния семей:

Размер дохода	Потребление хлеба в год (в марках)
До 1.200 марок	107,26
От 1.200 до 1.600 марок	136,60
» 1.600 » 2 000 »	158,09
» 2.000 » 2.500 »	172,59
» 2.500 » 3.000 »	177,98
» 3.000 » 4.000 »	193,74
» 4.000 » 5.000 »	205,05
Свыше 5.000 марок	224,31

Оно может иметь место, если происходят социальные перегруппировки в населении: если население переходит из деревень в города и на фабрики, то вместе с новыми условиями труда меняется и характер пищи. Если бы сокращение потребления хлеба было «от богатства», то спрашивается, почему же в последние годы мы замечаем повышение потребления? И, наконец, если бы даже это сокращение потребления было вызвано повышением благосостояния населения, то все равно спрос на хлеб уменьшался бы, и цены должны были бы пасть.

Но тов. Пикус важно отрицать тот факт, что период с конца 70-х и до средины 90-х гг. был не благоприятным для развития хозяйства и для населения Европы. При этом она ссылается на рост зарплаты в промышленности Англии. Однако, данные о зарплате, как всем известно, относятся к небольшому количеству организованных рабочих, которые были обследованы, поэтому не характерны для общего движения зарплаты, в особенности, если принять во внимание значительно возросшую безработицу. Пикус отрицает факт возросшей безработицы и приводит статистику, которая явно бьет ее. Так, по данным, которые Пикус взяла у т. Ротштейна, безработица в 1879 г. поднимается до 11,4%, затем падает в 1882 г. до 2,3%, чтобы снова подняться в 1884 г. до 8,1%, в 1885 г. до 9,3% и в 1886 г. до 10,2%. Следующие годы показывают некоторое уменьшение безработицы. Самым низшим пунктом являются 1889—90 гг., но потом безработица снова быстро и сильно поднимается. Можно ли по поводу этих данных заявить, что «в движении безработицы в период 70-х и 90-х гг. ничего угрожающего заметить нельзя»? Повышение безработицы до 8 или 10%, не представляет «ничего угрожающего?» Вот другая статистика—занятости среди членов профсоюзов, которую мы берем из английской официальной публикации[1]. По этой статистике занятость

[1] Statistical Tables and Charts relating to british and foreign trade and industry, 1908.

в 1873—75 гг. составляет приблизительно 100% по сравнению с занятостью 1900 г., затем она быстро падает и составляет в 1879 г. всего 90,6%, потом несколько поднимается и в 1882 г. опять доходит до 100%, чтобы в дальнейшие годы снова резко упасть и составить в 1886 г. 91,8%. В среднем получается, что занятость составила в 1874—77 гг. — 98,5%, в 1880—83 гг. — 97,3%, а в 1884—87 гг. — 94,2%. Безработица даже среди членов профсоюзов весьма значительная!

Далее, имело ли место повышение зарплаты сельскохозяйственных рабочих, и могло ли это обстоятельство вызвать кризис? Прежде всего цифры которые приводит т. Пикус, подтверждают то, что сказал и я. По этим данным средняя зарплата с.-х. рабочих составляет в 60-х гг. 11 шиллингов 6 пенсов, в 1869—70 гг.— 12 шилл. 4 пенса, в 1872 г. — 14 шилл. 2 пенса, в 1882 г. —14 шилл. 2 пенса. Как можно отрицать на основании этих данных повышение зарплаты? В нашем распоряжении имеются данные о движении зарплаты сельскохозяйственных рабочих, которые говорят, что со средины 70-х гг. зарплата держится приблизительно на одном уровне. Это же утверждает и историк Портер, заявляя на стр. 201—202 его известного труда (The Progress of the Nation), что относительно высокая зарплата при падающих ценах сделала нерентабельным хозяйство. На это указывали опрошенные правительственной комиссией и сельские хозяева и «сведующие лица».

Капиталистическое производство совершается постольку, поскольку оно дает предпринимателям определенную прибыль. Если вследствие повышения зарплаты понижается прибыль, то производство сокращается. «Если, — писал Маркс в I томе «Капитала», (стр. 609), — уменьшение неоплаченного труда доходит до того пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, то наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение зарплаты сменяется обратным движением». Это именно и насту-

пило в 80-х гг., когда зарплата сельскохозяйственных рабочих стала падать, и вместо 94,92% уровня 1900 года она понизилась до 89,27% в 1887 году.

Говорят, что я упускаю из своего анализа влияние частной собственности. В самом определении цены с.-х. продуктов я отмечаю роль частной собственности на землю, а проблема цены ведь центральная в вопросе о кризисах. Затем я думаю, что частная собственность играет такую же роль и в промышленном кризисе, как в сельскохозяйственном. Частная собственность является основой кризиса. Без частной собственности не было бы кризиса[1].

В общих чертах теория аграрных кризисов сводится к следующему:

1. Общие причины капиталистических кризисов: противоречие между потребительной и меновой стоимостью или производством для рынка; противоречие между ролью денег, как средства обращения и как средства платежа; противоречие между ролью денег, как средства накопления и как капитала; противоречие между накоплением прибавочной стоимости и возможностью реализации ее, — вот предпосылки кризиса. Чтобы кризис стал не только возможным, но и необходимым и регулярно повторяющимся явлением, недостаточно только этих предпосылок: необходимо еще условие, которое делает расхождение между потреблением и производством необходимым. Такое условие заключается в процессе расширенного воспроизводства основного капитала. Вместе с процессом расширенного воспроизводства основного капитала, с новыми постройками и новым оборудованием возрастает спрос на сырьевые продукты, производство которых должно отставать от производства готовых изделий, вследствие большей продол-

---

[1] Товарищи, подчеркивающие момент частной собственности, как фактор, затрудняющий развитие техники в сельском хозяйстве и вызывающий кризисы, забывают, что с тем же моментом мы встречаемся и в добывающей промышленности. Почему же здесь развивается техника? Кстати, не станут ли т. П. и те, которые разделяют ее «теории», как Варга, утверждать, что и горная промышленность переживает только кризисы от изменения условий производства и падения ренты? Ведь теория ренты, развитая Марксом для с. х. и перенятая П., как теория кризиса, почти целиком переносится и на добывающую промышленность. Что же, и она не знает циклов, а только падение ренты?

жительности оборота капитала в добывающей промышленности и в сельском хозяйстве. Отсюда более быстрое повышение цен на сырьевые продукты, чем на готовые изделия, и вместе с этим тенденция нормы прибыли к понижению. Повышению цен на готовые изделия соответственно с ростом цен на сырьевые изделия мешает конкуренция предприятий со старым основным капиталом и, главным образом, отставание заработной платы от движения цен [1]. В виду понижения нормы прибыли капитал проявляет стремление к увеличению массы прибыли, т.-е. к возможно более полному использованию существующего оборудования и увеличению производства, в то же время замедляется процесс новых построек, т.-е. сокращается спрос при усиливающемся предложении товаров. В этот момент цены на готовые изделия начинают уже падать, или, по крайней мере, замедляют свое движение вверх. Между тем цены на сырьевые продукты вместе с расширением продукции продолжают повышаться, одновременно идет усиленный спрос на рабочие руки, и заработная плата также поднимается. Растет ли реальная или номинальная заработная плата, для производителей готовых изделий это не важно, так как в том и в другом случае номинальная зарплата обгоняет на этой стадии развития рост цен на готовые изделия. Вместе с этим резко уменьшается норма прибавочной стоимости и норма прибыли. В виду этих моментов, дальнейшее расширение продукции с целью увеличения массы прибыли не дает уже достаточного эффекта, и вместе с этим капитал обрывает процесс расширенного воспроизводства. Начинается кризис.

Последствием всякого кризиса является понижение цен на сырье в большей мере, чем падают цены на готовые изделия

---

[1] Часто Маркс изучается как ветхий завет или евангелие: зазубриванием формул, без ясного представления об их содержании. Так, обычно причину кризиса сводят к противоречию между ограниченной покупательной способностью масс и способностью капиталистического производства к безграничному расширению. Но в чем выражается это противоречие? Когда и почему именно в определенные моменты оно приводит к кризису? Я отвечаю на эти вопросы указанием на то, что эта «ограниченная покупательная способность» препятствует при под'еме цен на сырье соответственному повышению цен на готовые изделия, вызывает поэтому падение нормы прибыли и задерживает дальнейшее расширение строительства и т. д. Я этим вкладываю определенное содержание в данную формулу. Но так как я ее не повторяю в общепринятых выражениях, то один критик нашей теории кризисов нашел в этом отступление от Маркса. При этом он не говорит, правильно ли я интерпретирую ее, а просто уверен в том, что я говорю совсем другое, чем эта формула, так как я указываю на недостаточность обычного ее толкования и ищу конкретное выражение для социального противоречия, называемого «кризисом».

в виду: 1) резкого сокращения спроса на сырье вследствие сильного повышения цен на него; 2) во время промышленного оживления начинается подвоз сырьевых продуктов из более отдаленных мест, использование суррогатов, разработка новых источников, так что при сокращении спроса создается перепроизводство. Во время промышленного оживления цена и даже рыночная стоимость поднимаются до уровня высших производственных расходов тех предприятий, которые работают с высшими производственными расходами. Когда начинается кризис и получается перепроизводство, цены падают до уровня производственных расходов предприятий, работающих со средними или даже низшими производственными расходами, между тем как цены на промышленные изделия поднимаются во время промышленного оживления не особенно значительно и вследствие этого во время кризиса падают только до уровня средних или несколько более низких производственных расходов. Таким образом амплитуда колебания цен на сырьевые продукты гораздо более значительна, чем на промышленные изделия.

2. Специфические условия развития сельского хозяйства выражаются преимущественно в том, что сельское хозяйство не заинтересовано в расширении своей продукции и, следовательно, в продаже своих товаров по низким ценам. Наоборот, оно стремится к продаже по возможно более высоким ценам. Вместе с этим, как и вследствие ряда других обстоятельств (частная собственность на землю, раздробленность земли, культурная отсталость землевладельцев, бедность их капиталами, трудность перевозки сельскохозяйственных продуктов и т. д.) техническое улучшение сельскохозяйственного производства идет гораздо медленнее, чем технический переворот в промышленности. Отсюда вытекает, что рост производительности труда и рост производства вообще в промышленности идет впереди сельского хозяйства. Этим отнюдь не сказано, что сельское хозяйство вообще не развивается, но оно развивается относительно медленнее, чем промышленность. Благодаря этому обстоятельству, спрос на сельскохозяйственные продукты нормально обгоняет предложение, и цены, как и рыночная стоимость сельскохозяйственных продуктов, поднимаются до уровня высших производственных расходов. Более быстрое развитие спроса на сельскохозяйственные продукты, чем предложение их, ничего общего не имеет с так называемым «законом падения последовательных затрат», так как это явление есть результат отвлечения капитала в промышленность и слабого развития техники в самом сельском хозяйстве.

3. Цены на сельскохозяйственные продукты могут пасть вследствие изменения условий продукции, которые делают возможным удовлетворение спроса при средних производственных расходах или даже при более низких производственных расходах. Если открываются новые участки земли, если построены

новые железные дороги или совершается переворот в технике производства, то общественный спрос может быть удовлетворен без обработки тех участков земли или без тех дополнительных затрат, которые раньше определяли рыночную цену, т.-е. при наивысших производственных расходах. Если подобные перевороты в условиях продукции затрагивают широкие круги сельскохозяйственного населения благодаря тому, что новые условия продукции значительно дешевле, чем средние производственные расходы в сельском хозяйстве данной страны, или значительная доля земель находится в руках арендаторов, а арендная плата раньше находилась на высоком уровне, и арендаторы связаны договорами на продолжительные сроки, то такие изменения в условиях производства могут вызвать кризис. Изменение сельскохозяйственного производства, как впрочем, изменение в условиях продукции промышленности, также может вызвать более или менее продолжительный кризис в прежних существующих предприятиях, которым приходится приспосабливаться к новым условиям продукции.

Нормальный же сельскохозяйственный кризис вызывается не столько изменениями в условиях продукции, сколько изменениями в движении цен на сельскохозяйственные продукты и вместе с этим также в рыночной стоимости их. Последнее совершается в зависимости от развития промышленности. В капиталистических странах рынок определяется развитием промышленности, другими словами, развитием основного капитала. Рост основного капитала вызывает усиленный рост цен на сырье как и на сельскохозяйственные продукты. Кризис в промышленности имеет обратное действие. Цены на сырье и на сельскохозяйственные продукты падают. Зависимость цен на сельскохозяйственные продукты от движения цен на промышленные продукты и специально на элементы основного капитала подтверждается также статистикой.

Во время промышленных кризисов происходит передвижение населения из деревень в города. Вследствие этого потребление мясных и молочных продуктов может абсолютно и не уменьшиться. Благодаря понижению стоимости средств существования, потребление продуктов скотоводства может через год, другой даже возрасти. Вследствие того, что относительно падают производственные расходы скотоводов, с.-х. кризис может явиться только частичным, затрагивающим только производителей хлеба. Общим с.-х. кризис бывает, если потребление и продуктов скотоводства сокращается, и падение цен на продукты скотоводства настолько значительно, что оно не компенсируется некоторым уменьшением производственных расходов, или когда последняя отрасль хозяйства не играет еще значительной роли в общем хозяйстве страны.

Тяжелые промышленные кризисы, продолжающиеся несколько лет и затрагивающие глубоко широкие слои рабочего

населения, вызывают значительную безработицу, ухудшают общее положение их и отражаются также и на положении с.-х. населения. Это бывает в особенности после сильных подъемов промышленности и сельского хозяйства, вызванных случайными, с точки зрения экономического развития, моментами, как война и т. п. История последнего столетия знает только три таких особенно глубоких кризиса: после наполеоновских войн, после франко-прусской войны и после мировой войны. Все они последовали после чрезвычайно резкого подъема цен на промышленные и с.-х. продукты и вследствие этого, после прекращения военного спроса и сокращения спроса со стороны мирного населения в виду огромной безработицы, разразился тяжелый кризис сельского хозяйства. Но нормально всякий промышленный кризис сопровождается и кризисом в с. х., степень силы и влияния которого зависит от силы и продолжительности промышленного кризиса.

Именно с этой точки зрения можно подойти к анализу современного сельскохозяйственного кризиса в Америке. Здесь мы имеем, прежде всего, констатирование факта падения цен по сравнению с производственными расходами, даже если не принимаются во внимание затраты на аренду или на землю. В монографии «О стабилизации цен на пшеницу во время войны и влияние ее на производителя», составленной Сурфасом, с предисловием Гувера, приводятся стоимость продукции пшеницы и цены, при чем стоимость продукции исчисляется без расходов на аренду и на стоимость земли. Там устанавливается резкое понижение доходности фермеров с 1921 г.[1]. Кроме того, по бюджетным данным нескольких семей, которые опубликованы впервые в русской печати тов. Осинским, кризис наступил несмотря на то, что речь идет о собственниках, которым не приходилось платить аренду, хотя при исчислении капитала принята во внимание также и земля. Но вопрос ведь заключается не в том, какую долю дохода они получали на исчисленный ими капитал, а в том, что сам по себе этот доход резко понизился, так как он был меньше 5% на капитал. Далее, по тем данным, которые регулярно

[1] Данные эти приводятся в моей работе «Мировое хозяйство до и после войны», т. III, ч. 1.

приводятся департаментом сельского хозяйства в Америке о валовых доходах и расходах американского сельского хозяйства, мы можем установить долю арендной платы в общей сумме расходов американского сельского хозяйства. (См. нашу статью в журнале «Мировое Хозяйство и Мировая Политика», № 9 за 1926 г., стр. 64). Оказывается, что в наиболее благоприятные годы — 1919/20 — арендная плата составляла 10,9% всех расходов, в 1920/21 г. — 11%, в 1921/22 г. — 10,4%. Следовательно, арендная плата здесь не могла играть роли в смысле ухудшения положения сельского хозяйства, так как ее доля в общих расходах не изменилась, т.-е. она падала соответственно с падением общей суммы валового дохода, который за это время упал с 15,7 до 9,2 млрд. долларов. Между тем вся «теория» аграрных кризисов Пикус и Варги сводится к тому, что арендная плата не падает во время падения хлебных цен... Другую роль сыграли проценты по ипотекам и другим долгам, которые поднялись с 5 до 9%. В этом смысле можно, конечно, сказать о влиянии земельной ренты. Но, прежде всего, неизвестно, какие долги здесь играли большую роль — ипотечные или другие; во всяком случае нельзя свести к этому моменту основную причину кризиса, которая проявилась совсем в другом, а именно: 1) в том, что расходы на промышленные продукты, потребляемые сельским хозяйством в производстве, поглощали в 1920/21 г. 29% всех доходов, вместо 21% в 1919/20 г., а в 1921/22 г. они все еще поглощали 26,6%; 2) и зарплата также поднялась с 9,5 до 13,7%. Конечно, в различных районах роль отдельных моментов в общем бюджете фермеров была различна, но поскольку речь идет об о б щ е м положении сельского хозяйства, приходится констатировать, что в основном все-таки не арендная плата, а именно повышение стоимости средств производства, отчасти зарплаты и повышение налогов (с 2,5 до 6,3% в 1921/22 г.) вызвали этот кризис.

Надо еще отметить, что в Англии рента почти не поднялась, то же самое в Германии, где цены на землю

и арендная плата сильно упали в годы инфляции. Тем не менее, сельское хозяйство этих стран переживало кризис, который был вызван совершенно другими моментами. Те товарищи, которые сводят причину сельскохозяйственных кризисов исключительно к падению ренты, вследствие изменения производственных условий, должны доказать, что и теперь, после войны, эти производственные условия изменились, и что вследствие этого пала рента и т. д. Где те «Америки», которые были теперь открыты?

Резюмируя, я хочу сказать, что, не отрицая того факта, что при известных обстоятельствах изменение производственных условий в сельском хозяйстве может вызвать кризис, как то же самое может произойти и в промышленности, я говорю, что этот факт сам по себе не выясняет общего развития с.х., следовательно, кризиса с.х., который определяется развитием промышленности. Кто не понял этой связи между развитием производства средств производства и развитием с. х., тот вообще не понимает характера эволюции сельского хозяйства и, конечно, также и теории с.-х. кризиса. Ссылка на особые моменты в развитии сельского хозяйства означает только затушевывание вопроса, а не выяснение его. Можно много раз повторять схемы, приведенные Марксом в III томе «Капитала» для выяснения теории ренты, но этим еще не будет выяснен характер с.-х. кризиса, как регулярно повторяющегося явления в капиталистических странах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ленинизм или «булгаковщина»

Тов. Пикус утверждает в своей статье «На аграрном фронте» № 1 за 1929 г., что я борюсь против Маркса и Ленина.

На самом деле, она вместе с теми товарищами, которые ее поддерживают в этом вопросе, скатилась с ленинской позиции на точку зрения Булгакова, против которого боролся Ленин. Я уже доказывал на собрании в ИКП [1], что Маркс отнюдь не говорит о кризисе в 1815—1830 гг., а о том, что фермеров обманывали (geprellt) и разорили этим обманом. Законом устанавливались произвольные «нормальные цены», и «договоры заключались под впечатлением этих нормальных цен. Когда иллюзии рассеялись, был составлен новый закон с новыми нормальными ценами, который, однако, был столь же бессильным выражением алчности землевладельческой фантазии, как и старые». Кажется, ясно всякому, кто умеет читать Маркса, что речь идет не о кризисе, а о сознательной системе обмана арендаторов путем фиктивного законодательства. К тому же Пикус замалчивает то, что Маркс говорит дальше, а именно:

«Тем не менее, хлебные законы все же поддерживали цены на искусственно повышенном уровне. Это благоприятствовало лучшим фермерам».

Это совсем не похоже на то, что называется аграрным кризисом. Констатируя расширение

[1] См. предыдущую главу.

запашек в эти годы, я пишу, что следует полагать, что «действительное положение сельских хозяев было вовсе не таким тяжелым, как можно было бы судить по беспрерывным жалобам, которые раздавались с их стороны». Ведь во время кризиса запашки, как само собой понятно, не могут расширяться. Можно еще спорить о том, сокращаются ли запашки во время аграрного кризиса; но расширение запашек несомненно означает, что земледелие выгодно, что доходы фермера не уменьшились, и что, вероятно, и рента не падает.

Где же кризис? Чтобы опровергнуть мою мысль, надо было доказать, что запашки не расширялись, или что фермеры это делали из «любви к отечеству» что ли, вместо того, чтобы ссылаться на непонятое место из «Капитала».

Но т. Пикус вообще не различает между кризисом ренты, т.-е. ухудшением положения землевладельцев, и положением сельского хозяйства, арендаторов и собственников крестьян. Для нее сельскохозяйственный кризис, в отличие от промышленных кризисов, не есть производственный кризис в обычном смысле этого слова, а исключительно падение ренты, т.-е. понижение сельскохозяйственной сверх-прибыли, затрагивающее интересы крупных землевладельцев и тех крестьян-собственников, которые заплатили за свои земли высокие цены или сильно задолжались. Но вопрос о том, выгодно ли само сельское производство, если даже отвлечься от ренты, что мы вправе сделать по отношению к значительному числу крестьян или фермеров-арендаторов с краткосрочными арендными договорами.

Вот этот гораздо более важный вопрос как с точки зрения общей теории, так и с практической стороны (влияния развития промышленности на положение крестьянства), она не только не ставит, но даже не понимает несмотря на то, что я его поставил, кажется, совершенно ясно. Чтобы не было дальнейших недора-

зумений, прибавим еще следующее: если под влиянием возросшего предложения (конкуренция других областей) или сократившегося спроса прекращается продукция на участке А (или при худших условиях), то падает рента, уменьшается доход землевладельцев и, при известных условиях, могут разориться и некоторые арендаторы, но продукция на участках В, С и т. д. будет продолжаться, иногда даже усиливаться. Кризиса сельского хозяйства в данном случае нет. Он наступает, если производственная цена не покрывает производственных расходов, за вычетом ренты, т.-е. если норма прибыли арендатора падает ниже средней. Но в том, что т. Пикус взялась за тему, сущность которой ей не ясна, еще полбеды. Важнее, что она смешивает Ленина с Булгаковым и сердито заявляет, что я борюсь против Ленина.

На самом деле, П. писала («На аграрном фронте», № 1 за 1928 г., стр. 51): «Понятно, что если с. х. находится по своему техническому уровню почти на уровне мануфактуры, то постоянной формой его движения не является подъем, кризис и депрессия» [1]. Это означает что техника в с. х. не развивается, что в нем преобладает ручной труд, что, говоря языком Маркса, переменный капитал не уменьшается по сравнению с постоянным. Другого смысла такое заявление, что технический уровень с. х. находится на уровне мануфактуры, и что оно поэтому не переживает кризисов, иметь не может. Но ведь это именно то, что утверждал Булгаков, который искал у Маркса «ошибочных представлений». «К числу таких представлений,—писал он,—принадлежит, например, то, по которому в земледелии переменный капитал также убывает относительно постоянного, как в обрабатывающей промышленности, так что органический состав земледельческого капитала все повышается». И что ему ответил на это Ленин? «По отношению к с. х. капиталистических стран, взятому

[1] На методологическую недопустимость связывания с.-х. кризисов с развитием техники в с. х. указал на упомянутом собрании в ИКП вдумчивый и теоретически мыслящий т. Давыдов.

в общем и целом, мы видим уменьшение Y и увеличение C. Сельское население и число сельских рабочих убывают и в Германии, и во Франции, и в Англии, между тем как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, растет »(т. IX, стр. 8).

И затем Ленин приводит ряд цифровых данных, показывающих быстрый рост применения техники в сел. хоз.

В своих статьях, направленных против Булгакова и других «критиков» в аграрном вопросе, Ленин снова и снова возвращается к той же мысли.

Он пишет:

«Докапиталистическое однообразие сменилось все усиливающимся разнообразием, сопровождающимся техническим прогрессом всех отраслей. Создалось и стало быстро расти применение машин в с. х. применение пара, начинается применение электричества, которому, как указывают специалисты, суждено сыграть еще более крупную роль в этой отрасли производства, чем пару. Развилось применение подъездных дорог, мелиорации, употребление искусственных удобрений, сообразно с данными физиологии растений; стала применяться к с. х. бактериология» (т. IX, стр. 11. Курсив наш).

И далее: «Критики посвящают целые страницы подробнейшим рассуждениям на счет того, что машины в земледелии встречают больше трудностей применения, чем в промышленности, и потому применяются меньше и имеют меньшее значение. Все это бесспорно...

Но этот бесспорный факт нимало не опровергает того, что применение машин быстро развивается и в земледелии, оказывая на него могучее преобразующее действие» (т. IX, стр. 73. Курсив наш).

Далее (ст. 81) Ленин снова говорит о том новом техническом перевороте, который подготовляется электротехникой. Это было написано в 1901 г.

Сказать после этого, что с. х. находится в состоянии технического застоя и ссылаться при этом на Ленина, нужно иметь мужество человека, незнакомого с предметом, о котором он с апломбом говорит...

Правда, Ленин говорит, что «современное земледелие по общему уровню его техники, да, пожалуй, и экономики, ближе подходит к той стадии развития промышленности, которую Маркс назвал «мануфактурой...»

«Земледелие, — поясняет он свою мысль, — еще не достигло ступени настоящей «крупной машинной индустрии» в смысле Маркса. В земледелии еще нет «системы машин», связанных в один производственный механизм» (т. IX, стр. 82).

И это совершенно верно, конечно. Промышленность гораздо больше развилась технически. Применение техники в с. х. идет гораздо медленнее, чем в промышленности.

Экономические причины этого явления выяснены мною во второй главе, против которой Пикус выступает.

Но одно дело — признание факта медленного или относительно еще слабого применения техники в с. х., а другое дело — отрицать самый факт и строить на этом основании теорию развития с. х. «по особым законам».

Ведь нельзя сказать, что пока в сельском хозяйстве нет «системы машин», оно не могло подвергаться кризисам. И, как бы предчувствуя появление «теоретиков» á la Пикус, Ленин прибавляет:

«Не надо, конечно, утрировать это сравнение».

И Ленин указывает на особенности развития сельского хозяйства.

«Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться в с е м и теми чертами, которые она имеет в промышленности».

Но что Ленин ясно сознавал значение роста техники в с. х. и применимость закона Маркса об относительно

более быстром росте «C» чем «Y», в этом не может быть никакого сомнения. А ведь именно этот последний закон является основанием и теории кризиса Маркса. Пикус, желая доказать, что с. х. не подвергается циклическим кризисам, вынуждена была, ссылаясь на плохо понятое место у Ленина, заявить, что с. х. осталось на стадии мануфактуры, т.-е. что закон Маркса здесь неприменим, или, по существу, повторить то, что писал Булгаков, приписав это, по своей наивности, Ленину [1].

А каково фактическое положение дел? В настоящее время ручной труд в с. х. отошел на второй план. Так, в Германии в 1924/25 г. жатва снималась на 37% ручным, а на 63% — механическим путем, при чем при посредстве самовязалок — 27%.

Далее, т. П. утверждает, что в с. х. производительность труда чрезвычайно слабо развита, а на самом деле в Германии средняя производительность в промышленности превышает производительность труда в с. х. всего на 73%, при чем ведь известно, что рабочая сила в с. х. не вполне используется в течение года [2]. Вот как далеки от истины все эти утверждения, на основании которых П. строит «свою» теорию сельскохозяйственных кризисов.

Тов. П. начинает свою новую статью с торжественного заявления «Я верую». «Азбукой марксизма, — говорит она, — является признание руководящей роли промышленности по отношению к с. х. Это значит, что эволюция сельского хозяйства зависит от эволюции промышленности».

Если эти слова имеют какой-нибудь смысл, то приходится признать, что и цены на с.-х. продукты

[1] «Ручной труд, — заканчивает Ленин свое исследование об американском с. х., — неизмеримо более преобладает в земледелии над машиной, но машина неуклонно идет вперед, поднимая технику хозяйства» (стр. 272). А в динамике вся суть вопроса.

[2] Расчет следующий: 9,76 млн., занятых в с. х., произвели новые ценности на 10 млрд., а 13,24 млн. в промышленности — на 23,5 млрд. марок. Средняя производительность в с. х. — 1.024, в промышленности 1.775 марок.

зависят в своем движении от эволюции промышленности, так как в капиталистическом хозяйстве цены являются отражением всех производственных и рыночных процессов, вне которых ведь не идет и эволюция с. х.

Тем не менее, она заявляет дальше: «Но признание этой общей истины, т.-е. тесной зависимости с. х. от развития промышленности, не означает еще признания, что промышленный цикл полностью втягивает в себя с. х. и что промышленный кризис неминуемо ведет к с.-х. кризису. А т. Спектатор делает заключение о том, что кризис промышленности неминуемо ведет к аграрному кризису».

Прежде всего, что следует понимать под словечком «полностью?»

Одинаковое развитие кризиса в промышленности, как в сельском хозяйстве? Этого я, конечно, не мог утверждать, так как даже в различных отраслях самой промышленности действие кризиса сказывается различно. Вот что я на самом деле писал:

«Поскольку под кризисом мы понимаем только падение цен ниже рыночной стоимости или ниже производственной цены, т.-е. резкое падение нормы прибыли, постольку с. х., по крайней мере капиталистечское, так же подвержено циклическим колебаниям, как и промышленность. Однако, эти циклические колебания в с. х. не всегда сказываются так разорительно, как в промышленности, вследствие относительно более слабого колебания цен на основные продукты с. х., чем на промышленные, вследствие чего производственные расходы быстро понижаются, и рентабельность с. х. снова восстанавливается, а отчасти также вследствие большей продолжительности оборота капитала в с. х., так что для разорения широких с. х. слоев необходимо, чтобы кризис тянулся в продолжение значительного периода времени».

Что кризис в с. х. сказывается слабее, чем в промышленности, мной указано. Следовательно, весь вопрос сводится к тому, исключается ли с. х. из общего цикла или нет?

Именно отрицание этого факта ссылкой на особенности развития с. х. и есть настоящая «булгаковщина». «Наиболее ходячей идеей буржуазной экономии, — говорит Ленин, — является противоположение промышленности и земледелия (т. IX стр. 264).

А чем иным является заявление, что промышленность подвержена в своем развитии цикличным колебаниям, а с. х. живет себе в капиталистическом обществе припеваючи, не зная кризисов, разве только случится, что кто-нибудь откроет новую Америку?...

Чтобы придать «своей» теории некоторый вид, П. ухватилась за мое разграничение понятия кризиса. По моему определению кризис проявляется в падении цен, нормы прибыли ниже средней и в сокращении производства.

Зеринг же считает признаком кризиса разорение значительного числа землевладельцев. П. вместе с Варгой заявляют, что именно зеринговское определение кризиса — настоящее, революционное, марксистское. А между тем, вот что говорит Маркс:

«Наиболее общее и бросающееся в глаза явление торговых кризисов, — писал Маркс, — это внезапное и всеобщее падение цен, наступающее после сравнительно продолжительного и всеобщего их возрастания» («К критике», изд. 1923 г., стр. 169). Маркс говорит о падении цен, а не о банкротствах. И совершенно понятно, почему. Банкротства связаны с кредитными отношениями, а феномен кризиса лежит в сфере производственных отношений. «Поверхностность (буржуазной) политической экономии, — говорит Маркс («Капитал», т. I, нем. изд., стр. 598), — обнаруживается, между прочим, в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами». Варга считает причиной кризиса сокращение кредита, «недостаток капитала»; поэтому для него банкротство — необходимый признак кризиса. Тов. Пикус соглашается с последним, но вряд ли согласится с тем, что причиной кризиса является недостаток капитала[1].

---

[1] Впрочем уверенности у нас нет и в этом. На 26 стр. она пишет: «Во время кризиса страшно не столько падение цен, но главным образом губительно сказывается прекращение спроса на товары. Товары не удается продать даже по низкой цене». Сопоставим это с тем, что говорит Маркс. «Избыток товаров, — читаем мы в «Теории

Если же мы будем исходить из действительно марксистской постановки вопроса о том, что кризис есть падение цен, нормы прибыли ниже средней и замедление или даже прекращение расширенного воспроизводства, то и в с. х. мы должны прежде всего спрашивать: падает ли его доходность и сокращается ли производство? И в с. х. расхождение между ценами и производственными расходами ведет и не может не повести к кризису, т.-е. к сокращению продукции, так как предприниматель ведь производит для получения прибыли.

В этом смысле мы говорим о «растворе ножниц» в пользу промышленности, при котором с. х. не в состоянии покрыть свои расходы.

На самом деле, предположим, что рента не изменится, но цены пали или вследствие большого урожая или резкого сокращения потребления. Произойдет ли тогда сокращение продукции в результате кризиса, пережитого фермерами? Конечно, да. Такое явление можно наблюдать сплошь и рядом. Предположим теперь, что рента резко пала, но арендные договоры краткосрочные, и все остальные производственные расходы тоже пали, и стоимость производства ниже чем раньше, так что низкие цены еще с избытком покрывают производственные расходы. Произойдет ли теперь сокращение производства? Несомненно, нет. Если даже прежние фермеры, которые купили землю по дорогой цене и т. д., разорятся. их место сейчас же займут новые, и производство не остановится. Мы в таком случае в праве говорить о кризисе ренты, об ухудшении положения землевладельцев, но никоим образом не

прибавочной стоимости» (т. II ч. 2, стр. 293, нем. издания), — всегда является относительным, т.-е. это избыток при известных ценах. Цены, по которым тогда поглощаются товары, гибельны для производителя или купца».

Итак, по Марксу, абсолютного перепроизводства не бывает. Все дело в том, возможно ли продавать товары по средним или низшим производственным расходам, а П. поучает нас «марксизму», заявляя, что все дело в «банкротствах», так как товаров вообще нельзя продавать.

о кризисе с. х., которое может даже процветать, хотя рента пала, или даже благодаря этому факту падения цен на землю.

То, что П. кажется теорией аграрных кризисов, есть кризис землевладения, а не земледелия. Если допустить, что падение учетного процента в промышленности вызвало разорение тех, которые задолжались по твердым высоким процентам (например, по своим облигациям), то это вовсе не будет означать кризиса промышленности; так и падение ренты еще не означает кризиса с. х., а только некоторых сел. хозяев.

Мы не отрицаем значения ренты, как одного из элементов производственных расходов. Но причину с.-х. кризисов приходится искать в том, что вызывает падение цен на продукты после того, как они раньше шли в гору. Вот в этом возвратном движении цен и лежит корень зла. Что конкуренция новых стран может вызвать падение цен, само собой разумеется. Но как обстоит дело с влиянием промышленного цикла? Вызывает ли промышленное оживление повышение цен и расширение продукции, а кризис падения цен и сокращение производства? В этом вся суть данной проблемы.

Я утверждаю на основании огромного статистического материала, приведенного мною в той же статье в «Вестнике Комакадемии» и не опровергнутого никем, что подъем промышленности, связанный с расширенным воспроизводством основного капитала, вызывает подъем цен на с.-х. продукты, в то время как кризис промышленности, как мы говорили в статье «Теории кризиса Маркса» («Под знаменем марксизма», № 2, 1928 г.), вызывает понижение цен и на сырье и вообще на с.-х. продукты.

П., наоборот, заявляет, что с. х. «благодаря низкому техническому уровню» не может широко развернуться, что «почти все земли заняты»[1], что капитал во время

[1] П. не понимает, что есть еще много необрабатываемой земли, потому что ее невыгодно обрабатывать. При высоких ценах на хлеб расширить площадь засева всегда возможно, не говоря уже об интенсификации.

промышленного подъема не хочет итти в с. х., поэтому не бывает расширения продукции и перепроизводства. Но ведь дело идет прежде всего о ценах. Поднимаются ли они во время промышленного подъема или нет?

«Индустриальное развитие, — пишет Парвус («Мировой рынок и с.-х. кризис», русск. изд., 1898 г. стр. 81), — возвышает рыночный спрос на хлеб. Вместе с рыночным спросом растут хлебные цены. С возвышением хлебных цен расширяется площадь посева и усиливается интенсивность культуры, т.-е. увеличивается количество продукции с *га*, благодаря приложению большого капитала». Тут ясно отмечается зависимость с. х. от развития промышленности, при чем Парвус знает и то, что во время промышленного кризиса цены на хлеб падают (см. стр. 50, где Парвус говорит о действии кризиса 1811 г.).

И на самом деле, мы замечаем регулярное расширение продукции пшеницы в годы промышленного подъема и сокращение ее в годы кризиса и депрессии. Так, мировая продукция пшеницы была в миллионах тонн (Ballod, Grundriss der Statistik):

1879 . . . 51,10	1889 . . . 56,03	1889 . . . 72,73
1880 . . . 55,16	1890 . . . 57,95	1900 . . . 69,13
1881 . . . 54,43	1891 . . . 57,56	1901 . . . 77,41
1882 . . . 62,50	1892 . . . 59,31	1902 . . . 81,84
1883 . . . 55,63	1893 . . . 65,26	1903 . . . 85,20
1884 . . . 61,29	1894 . . . 68,36	1904 . . . 83,64
1885 . . . 55,31	1895 . . . 66,02	1905 . . . 87,44
1886 . . . 56,18	1896 . . . 64,51	1906 . . . 93,84
1887 . . . 61,44	1897 . . . 57,19	1907 . . . 85,99
1888 . . . 59,15	1898 . . . 77,71	1908 . . . 68,46

1880, 1890, 1899 и 1906 — высшие пункты промышленных циклов, и в эти же годы (за исключением 1899, когда высший урожай приходился на 1898 г.)мы имеем повышение сбора. Начиная с конца 90-х годов, мы имеем ярко выраженную тенденцию к повышению

сборов, что совпадает с общим подъемом мирового хозяйства в это время. С другой стороны, в годы кризиса отмечается сокращение сборов. Можно ли свести такую правильную тенденцию в колебаниях сборов к случайным колебаниям урожаев?

Тов. Пикус и Варга представляют себе, что потребление хлеба не зависит от положения массы населения. В своей статье и на собрании в ИКП я доказал, на основе бюджетных данных, совершенно противоположное. Сошлюсь еще на Маркса:

«Неверно, — пишет Маркс («Капитал III, стр. 197), — будто бы потребление необходимых средств существования не возрастет вместе с их удешевлением. Отмена хлебных законов доказала обратное».

Следовательно, повышение или понижение цен на хлеб суживает или расширяет его рынок, хотя и Маркс признавал, конечно, что в данном случае растяжимость рынка более ограничена, чем в том случае, когда речь идет о промышленных продуктах. Важен однако тот факт, что повышение заработной платы (что то же, что понижение цены хлеба) повышает потребление, а падение заработной платы (повышение цены хлеба) ведет к сокращению его потребления. Колебания в потреблении хлеба (как и в сборах) вызывают резкое движение цен: именно потому, что мы имеем дело с продуктом, размеры которого изменяются только спустя некоторое время, повышение потребления гонит цену высоко вверх, а понижение потребления — резко вниз. Поэтому нельзя отрицать влияния кризиса на хлебные цены.

Пикус пытается конструировать особые законы развития для капиталистического с. х., изготовляющего хлеб, и особые законы для тех отраслей его, которые производят сырье.

Прежде всего с. х. распадается на пять областей производства не только хлеба, но и гораздо менее необходимых продуктов, потребление которых резко уменьшается в годы кризисов. Далее, среди с.-х. про-

изводства продукция сырья в большинстве капиталистических стран играет почти ничтожную роль.

Так, если взять продукцию германского с. х. в 1913 г., то мы имеем след. группы производства:

Растительные продукты	3.894,0	млн. мар.
В том числе сырье	36,8	» »
Продукты скотоводства	7.885,0	» »
В том числе шерсть	30,0	» »
Продукты огородничества и садоводства .	577,5	» »
Прирост скота	503,0	» »
Разное (конина, дичь и т. д.)	150,0	» »
Лесоводство	600,0	» »
Всего	13.609,5	» »

Если считать и продукты лесоводства, то стоимость всей продукции сырья в Германии составила 666,8 млн., а вместе с переработкой костей, вероятно, — не больше 700 млн., или кругло 5% всей продукции... Другими словами, стоимость зелени и фруктов (500 млн.) почти целиком компенсирует сырье, а без лесоводства превышает его в 8 раз. И вот для этой отрасли с. х. П. устанавливает особые законы, не понимая связи ее с общим положением.

С другой стороны, посмотрим, какое значение имеет для германского с. х. сбыт продуктов своей промышленности. По исчислениям К. Ланге («Weltwirtschaftliches Archiv, январь 1919 г.), сбыт германского с. х. распределялся в 1925 г. след. образом:

Отрасли хозяйства	Валовая продукция в млрд. марок	Чистая продукция
Промышленность	5,0	3,7
Сел.-хоз.	3,9	2,8
Торговля и транспорт . .	1,9	1,4
Остальные области . . .	2,5	1,7
Экспорт	0,5	0,4
Всего	13,8	10,0

Под сбытом промышленности следует понимать сбыт не сырья, а, главным образом, предметов потребления для населения, основным источником дохода которого

является промышленность. Если объединить сбыт для населения, занятого в промышленности, торговле и транспорте вместе (все эти отрасли одинаково подвергаются циклическим колебаниям), то половина всей с.-х. продукции потребляется тем населением, доходы которого подвергаются регулярно цикличным колебаниям [1].

Может ли при таких условиях промышленный цикл пройти мимо с. х., не затронув его? Более того, ведь и хлеб, и мясо и т. д. производятся в с. х. не в готовом виде, а перерабатываются на мельницах, на скотобойнях и т. д. В капиталистических странах развилась огромная отрасль промышленности, обрабатывающая эти продукты. В САСШ, например, в 1925 г. стоимость продукции этой отрасли промышленности составляла 10,4 млрд. долларов, из которых на сырье и материалы приходилось 7,7 млрд. (больше половины всей стоимости с.-х. продукции). Так как общая стоимость продукции промышленности составляла 62,7 (сырья 35,9) млрд., то на пищевую промышленность приходилось 16,5% [2]. Подвергается, спрашиваем мы, пищевая промышленность циклическим колебаниям или нет? А если да, то имеет ли влияние кризис в этой области промышленности на состояние цен на ее сырье?

Чтобы покончить с «теоретической частью» статьи т. П., следует еще обратить внимание на последний довод. «С. х., — заявляет т. П., — вследствие своей технической отсталости мало втянуто в кредитные отношения». До сих пор мы знали, что с. х. как раз относительно больше других отраслей хозяйства задолжено и эксплоатируется денежным капиталом. П. говорит другое. А статистика?

---

[1] Заметим мимоходом, что с. х., наоборот, потребляет сравнительно небольшую часть продукции промышленности, максимум, 3,9 млрд. из общей суммы в 13,7 млрд. (28%). Теория зависимости промышленного цикла от урожаев, которую поддерживал на упомянутом собрании в ИКП т. Варга, терпит крах и статистически.

[2] В аграрных странах эта отрасль промышленности занимает, конечно, еще большее место. В Венгрии, например, она составляет 42% всей промышленной продукции страны.

По последним данным Прусской центральной кооперативной кассы, 45% прусских сельских хозяев имели задолженность в размере 40% их имущества, 30% — в размере 60%, 9% — в размере 70%, а 16% еще в более высоком размере (Frankfurter Ztg. от 8/XII 1928). По данным бюджетных обследований доходы и платежи по задолженности составляли в 1925/26 г. в марках на 1 *га:*

Группы хоз-ств по с.-х. площади	Восточная Германия		Западная Германия	
	Доходы	Платежи	Доходы	Платежи
От 5 до 20 *га*	+ 56,7	29,8	+ 51,6	34,5
» 20 » 50 »	+ 34,1	28,7	+ 52,8	31,4
» 50 » 100 »	+ 29,8	30,9	+ 35,9	34,9
» 100 » 200 »	+ 10,4	38,9	— 10,6	41,6
» 200 » 400 »	— 4,7	42,8	— 58,1	45,8
Свыше 400 »	— 12,1	35,8	— 13,5	39,6

Мы видим, что платежи по задолженности почти сплошь поглощают всю чистую доходность[1]. И это называется «мало втянуто в кредитные отношения». Вот почему с. х. не знает периодических кризисов: оно «технически отстало» и не имеет долгов. Такова «теория», на которую т. П. претендует, как на свое «открытие».

Наш ответ по существу закончен, так как мы не предполагаем анализировать всю «критику» т. П. Отметим только еще несколько вопросов методологического и исторического порядка. Прежде всего, являются ли «ножницы» выражением кризисов в с. х.? Если под «ножницами» понимать расхождение между производственными расходами и ценами, то они только — другое выражение понятия кризиса в том смысле, как его употребляет Маркс, а именно: как падение цен ниже нормальной рыночной стоимости. Ведет ли, однако, такое падение цен к разорению с. х.? Не всегда, конечно. Все зависит от степени падения цен и продолжительности (понимая под этим ряд производствен-

---

[1]) О роли задолженности в послевоенном кризисе см. стр. 202, т. III «Мировое хозяйство». О том, что американские фермеры «втянулись в кредитные отношения», см. у Ленина стр. 264.

ных периодов, а не десятилетий, как толкует П.) кризиса. Более того, с. х. — не единообразное производство, а распадается на ряд отраслей, из которых одно служит сырьем для другого. Так, развитие скотоводства зависит от состояния цен на корм; но и скотоводство, в свою очередь, влияет на другие отрасли хозяйства, доставляя естественное удобрение и тяговую силу. Поэтому часто бывает, что кризис только захватывает одну отрасль с. х., мало задевая другие. Тем более, что, например, падение цен на хлеб может приводить к увеличению потребления продуктов скотоводства, если хлебные цены понизились значительнее, нежели пала зарплата или доходы других классов. Благодаря этому цены на продукты скотоводства могут понизиться меньше, чем цены на хлеб, что мы на самом деле и наблюдаем во время с.-х. кризисов.

С другой стороны, производственные расходы слагаются из трех элементов: стоимости рабочей силы, продуктов промышленности (отвлекаясь от сырья, производимого и потребляемого в самом с. х.), потребляемых в с. х., и арендной платы. Движение этих элементов может быть и обычно бывает различным. Конечно, м о г у т быть случаи, что при долгосрочных арендных договорах резкое падение цен до срока обновления аренды разоряет арендаторов. Таких случаев все-таки немного. Во время нынешнего с.-х. кризиса арендная плата п а д а л а п р о п о р ц и о н а л ь н о общему падению доходов арендаторов (см. уже упомянутый наш труд *о послевоенном кризисе*, стр. 200). Гораздо большую роль играют производственные расходы на промтовары, поглотившие в 1919/20 г. 21%, а в 1920/21 — 29% доходов фермеров (аренда: 10,9 и 11%). Движение зарплаты в этот кризисный год было тоже неблагоприятным для фермеров, поднявшись с 9,5% до 13,7%, но в последующие годы снова упало, дойдя до 10,2% доходов фермеров в 1922/23 г. Мы видим, что одно сопоставление цен на с.-х. продукты с ценами на промышленные (тем более на промышленное сырье) не вполне отражает положение с. х., так как мы берем целую

группу товаров, цены на которые не всегда одинаково развиваются, а, кроме того, не приняты во внимание все элементы производственных расходов. В особенности этим сопоставлением не учтены изменения в производительности труда в промышленности и в с. х. Я привел таблицу цен на промышленные и с.-х. продукты, чтобы доказать зависимость цен на последние от движения промышленной конъюнктуры и циклический характер развития с. х. Но одними «ножницами» всей проблемы не исчерпаешь, и я так и оговорился. «Если примем, — писал я, — а не просто: ножницы являются выражением кризиса.

Тем не менее, приходится сказать, что движение цен на промышленные изделия и на сельскохозяйственные продукты, хотя и неточно отражает положение с. х. в каждый данный момент, все же дает в общем и целом картину взаимоотношений между производственными расходами и доходностью с. х. (если предположить, что производительность труда в течение короткого периода незначительно изменилась в обеих областях). В этом можно убедиться из нашего исследования о послевоенном аграрном кризисе. В этом кризисе роль ренты была минимальная. Падение цен не вызвано никакими новыми открытиями, никакой конкуренцией новых стран, а единственно и исключительно сократившимся спросом после прекращения войны и в результате разразившегося промышленного кризиса, что признают даже американские промышленники. Выплаченная фабричным рабочим зарплата упала в год кризиса на 50% [1].

Что касается предыдущих кризисов, специально кризиса конца 70-х годов прошлого столетия, то здесь действовали четыре момента: ряд плохих урожаев, конкуренция заокеанского хлеба и промышленный кризис, приведшие к падению цен, и относительно более медленное падение зарплаты. Основным моментом, вызвавшим падение цен на хлеб, явился, однако, промышленный кризис, как совершенно определенно вытекает из

[1] «The Agricultural Problem», Нью-Йорк, 1926 г., стр. 84.

сократившегося потребления пшеницы и общего ухудшения положения народных масс.

Так, за годы 1873—75 душевое потребление пшеницы составило в Англии 58,25 бушелей, за годы 1876—78 — 58,46, а за годы 1879—81 — всего 56,13 бушелей. Вместе с этим цены 1879—1881 гг. составили всего 92 % цен 1876—78 гг [1].

Чтобы доказать, с другой стороны, что зарплата в промышленности росла, т. П. приводит данные, начиная с 1879 г., т.-е. с года, когда заканчивался промышленный кризис, и сравнивает его со следующими годами. Между тем, необходимо начать с 1875 г. и определить дальнейшее движение. Если взять данные Wood'a, которые приводит т. П. с 1875 г., когда реальная зарплата равнялась 132,70, то окажется, что она к 1879 г. (121) значительно понизилась (на 8%).

По официальным данным, средняя номинальная зарплата в важнейших отраслях промышленности составила (1900—100):

1874	91,36	1878	82,84
1875	89,43	1879	81,16
1876	88,05	1880	81,21
1877	86,68		

Мы имеем, следовательно, уменьшение номинальной зарплаты на 11%, а комбинированный индекс оптовых цен дает уменьшение на 12%. Так как розничные цены падают медленнее, чем оптовые, то нельзя говорить, что за этот период произошло улучшение рабочих. Не говорим уже о том, что все эти данные касаются только привилегированной группы организованных рабочих?

Что положение масс было тяжелым, видно хотя бы из роста числа эмигрантов из Англии за это время, как видно из следующей таблицы:

---

[1] «Report of the Committee on Stabilisation of Agricultural Prices» 1925 г., стр. 92 и 100.

Число эмигрантов (в тысячах)

	Из Англии и Уэльса	Шотландии	Ирландии	Всего
1860—70 . . .	605	148	819	1.572
1870—80 . . .	971	166	543	1.680
1880—90 . . .	1.548	275	734	1.557

Возрасла эмиграция именно из промышленных центров, не из аграрной Ирландии.

В какой мере на аграрный кризис конца 70-х годов повлияла заокеанская конкуренция? Прежде всего, почему та же конкуренция американского хлеба не вызвала падения цен в предыдущие годы? Падение цен на пшеницу начинается с 1874 г. До этого времени цены держатся на высоком уровне. Но ввоз быстро растет, составив в 1862—64 гг. 34,60% всего потребления, а в 1871—73 гг. 48,65%, в 1874—76 гг. 52,26% и в 1877—79 гг. 60,3%, в 1882—84 гг. 64,12% всей потребляемой в стране пшеницы. Следовательно, темп роста ввоза за десятилетие от 1862—64 до 1871—73 был более сильным (+ 40%), нежели за второе десятилетие (+ 31,8%).

Что изменилось между первой и второй половиной 70-х гг.? Фрахты из Нью-Йорка до Ливерпуля держатся до 1878 г. приблизительно на уровне 1872 г., превышая фрахты конца 60-х годов. Цена пшеницы в Нью-Йорке стояла в 1876—78 гг. на том же уровне, как в годы 1870—72 (45 шилл. и 11 п. и 45 шилл. и 5 п.), в то время как в Англии она упала с 53 шилл. и 6 п. до 49 шилл. и 9 п. квартер. Что же могло вызвать это более сильное падение цен в Англии, чем в С. Штатах? Отчасти отраженное влияние франко-прусской войны, а главное — сокращение спроса под влиянием промышленного кризиса.

Авторы уже цитированного доклада о стабилизации с.-х. цен («Report of the Committee on Stabilisation» думают, что в основе падения цен лежало вздорожание золота. Мы этого вопроса теперь не касаемся, считаем, что вздорожание золота, во всяком случае, не может объяснить кризис конца 70-х годов, так как один факт пере-

хода к золотому обращению в 1874 г. при сокращающемся общем товарообороте не мог иметь такого влияния. Но они одновременно подчеркивают неудовлетворительность обычного объяснения этого кризиса и требуют пересмотра установившегося взгляда на этот вопрос.

Но чем объясняется дальнейшее понижение хлебных цен от 80-х до середины 90-х годов?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо раньше всего установить, что цены на сельскохозяйственные продукты упали в среднем не больше, чем общий индекс, или чем цены на промышленные товары. По данным, которые мы привели из официального немецкого источника (стр. 174 третьего тома «Мировое хозяйство» и во второй главе этой работы), цены на с.-х. продукты и на промышленные товары изменились в Англии (1880—1889 = 100):

Годы	С.-х. продукты	Пром. товары
1873	134	154
1883	111	105
1893	89	89
1896	77	81
1896 по сравнению с 1873 в % . .	42,5	47,4

Отсюда видно, что падение цен на промышленные товары было еще более значительным, чем на с.-х. продукты. Можно ли объяснить и падение цен на промышленные товары конкуренцией Америки и России? А если нет, то не напрашивается ли вопрос: не вызвано ли почти параллельное движение цен на с.-х. продукты и на промышленные товары одними и теми же общими причинами?

Отвергая количественную теорию Гошена и Энфильда, я ищу эти причины в относительном замедлении процесса расширенного воспроизводства основного капитала и в технических улучшениях в результате кризисов 73, 81 и 91 гг. В прогрессе техники

в промышленности никто не сомневается, но отрицают прогресс его в с. х. Однако, статистика говорит другое. Так, применение механической двигательной силы в американском с. х. шло со следующей невероятной быстротой (см. табл.).

Годы	Число мех. лошадиных сил в млн.	Увеличение в %
1879	0,6	—
1789	1,2	100
1899	3,3	175

Можно ли еще говорить о медленном темпе в применении техники? В результате получилось, что издержки производства одного бушеля кукурузы упали с 1855 г. по 1894 г. с 35,75 до 10,5 центов, издержки производства одной тонны сена — с 3,16 до 1,29 долл. («Мировое хозяйство до и после войны», т. I, р. изд., стр. 115—116). Не явилось ли именно это обстоятельство моментом, вызвавшим падение цен?

Ссылка исключительно на «конкуренцию» других стран или других районов теоретически несостоятельна потому, что под влиянием конкуренции падают цены, но не изменяется стоимость. Между тем, расхождение между ценами и стоимостью не может быть продолжительным. Иначе продукция должна приостановиться. Вот почему мы писали: промышленный кризис вызвал необходимость подвоза более дешевого хлеба, привел к понижению фрахтов, выгнал большие массы европейского населения в заокеанские страны и тем самым способствовал их конкуренции и привел, наконец, к улучшению способов производства в самой Европе (стр. 79). Таким образом, движущей силой явились три промышленных кризиса в течение двух десятилетий, во время которых и общий темп промышленного развития в Англии был слабым (выплавка чугуна на душу населения составила в 1874 г. 0,20 тонны, а в 1890—94 гг. 0,19 тонны). Падение цен явилось уже результатом не только медленного роста (или даже сокращающегося) потребления,

но и изменившихся условий производства и в самой Европе.

Что нельзя себе представить, что с. х. переживало за эти два десятилетия сплошной кризис, вытекает из того несомненного факта, что посевная площадь во всех странах, кроме Англии, увеличилась. А в Англии число хозяйств в с. х. тоже выросло, как видно из следующих данных:

Группы хозяйств	1875 г.	1885 г.	1895 г.
	Число хозяйств (в тысячах)		
До 5 акров	121,8	136,4	133,4
От 1 до 50 »	333,6	336,6	334,9
От 50 до 100 »	54,5	54,8	56,8
Свыше 100 »	81,9	83,6	84,3
Всего	470,0	475,0	476,0

С. х. в целом не разорилось, следовательно, по терминологии П., не знало кризиса. Более того, и площадь посева уменьшилась только под пшеницей и ячменем, с 1871—75 гг. по 1891—95 гг. на 1,73 млн. акров, в то время как вся остальная площадь хлебов осталась, в общем и целом, без изменения. Скотоводство же показывает несомненный рост. Например, число молочных коров увеличилось за указанный период с 1,8 до 2,13 млн., а число рогатого скота — с 4,7 до 5,4 млн.

Можно, следовательно, говорить о кризисе зерноводства или только продукции пшеницы и ячменя, но не о кризисе всего с. х. А какое место занимала продукция пшеницы в с. х. Англии того времени? По исчислениям Мак Куллоха, стоимость годовой продукции с. х. в Англии составила в 1878 г. 260,7 млн. ф. ст., из которых на зерновые продукты приходилось 87 млн., а на скотоводство — 127 млн. ф. ст. Среди зерновых культур пшеница и ячмень занимают значительное место. Все же в общем не больше половины стоимости всех зерновых продуктов. Сокращение посевной площади под этими культурами на $^1/_3$ дает в общем расчете уменьшение на $^1/_{18}$ всей доходности английского с. х.

Можно ли при таких условиях говорить о кризисе с. х. в течение 20 лет вместо кризиса землевладения, кризиса, вызванного падением ренты?

Исходя из этого положения, мы отрицаем существование длительного с.-х. кризиса в течение двух десятилетий. Его нельзя констатировать даже для Англии, а в Германии не только пашня, но и посевная площадь под пшеницей расширялась, как видно из следующих данных:

Годы	Пашня в млн. *га*	Посевн. площ. под пшен. в млн. *га*
1878	26,06	1,72
1883	26,18	1,93
1893	26,24	2,04

Германия даже в этой области продолжительного кризиса не переживала. И с. х. знает кризисы только в течение двух, трех, четырех, максимум пяти лет. Изменение конъюнктуры промышленности приводит к улучшению положения и с. х.

Но почему, спрашивает П., о с.-х. кризисах не так часто говорят? Почему историки умалчивают о них? Очень просто, — потому, что о положении народных масс, в особенности деревенских, не любят говорить. Интересы господствующих классов — вот чем занималась буржуазная история. Интересы этих классов отождествляют с интересами всего народного хозяйства. Падение ренты и требования землевладельцев введения пошлин или государственной помощи воспринимались всеми буржуазными историками как кризис «сельского хозяйства», между тем как падением доходности фермера или крестьянской семьи никто не интересовался. С рабочим приходилось считаться, и промышленные кризисы изучались с целью «заговаривания» этой болезни капитализма. Недовольство крестьян не являлось еще опасностью для существующего строя, и никто поэтому не интересовался причинами этого недовольства. Но обязан ли марксист-исследователь повторять только то, что писали буржуазные историки,

или подойти к этому крайне важному вопросу со своей точки зрения и углубиться в действительное положение масс фермеров, — вот что является сущностью всей этой полемики.

Недаром Ленин так резко выступал против отрицания связи между промышленностью и с. х. и против искания «особых путей» развития земледелия. Ибо это ведет невольно, конечно, для наших оппонентов, к защите интересов землевладельцев (падение доходности которых объявляется кризисом всего с. х.) и к затушевыванию положения массы фермеров, капиталистическая судьба которых связала их со всеми перипетиями, которым подвергается промышленность, т.-е. с судьбой массы городского пролетариата[1]. Тов П. и не вообразила, что говорит прозой Булгакова. Но для остальных товарищей, которые защищали эту точку зрения, непростительно уже не знать, на чью мельницу льет воду подобная концепция...

---

1 Что Ленин признавал и цикличность развития капиталистического с. х., видно и из того места его статьи против Булгакова (т. IX, стр. 49—50). где говорится, что «Капиталистическое сельское хозяйство брошено теперь в то же состояние неустойчивости, которое свойственно капиталистической промышленности, и вынуждено приспособляться к новым условиям рынка» (курсив наш — М. С.) «Состояние неустойчивости», о котором говорит Ленин, нельзя понять иначе, как цикличное развитие с. х.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К вопросу о взаимоотношениях между сельским хозяйством и промышленностью

Институт Экономики, созданный Карнеги, который приобрел известность рядом работ о финансовом положении Германии, Франции и Италии, о германской внешней задолженности и т. д., выпустил в последнее время некоторые работы более общего характера, которые оказались мало удачными. К числу таких работ относится труд Инберга о взаимоотношениях между промышленным оживлением и положением фермеров. (R. C. Engberg, Jndustrial prosperty and the farmer).

Инберг устанавливает сначала, что естественные моменты — неурожай или хороший сбор — влияют сильнее на цены, чем экономические факторы. Разобрав вопрос о спросе на продукты сельского хозяйства, он переходит к анализу производственных и личных расходов фермеров и влияния промышленного цикла на движение цен (на свиней и пшеницу). Общие выводы автора весьма неопределенные. Он не отрицает влияния промышленного цикла. Спрос на сельскохозяйственные продукты увеличивается во время промышленного оживления.

Но вследствие малой эластичности этого спроса влияние цикла относительно слабо. Затем цикл сказывается и на величине производственных расходов фермеров, но опять-таки слабо и т. д. Уже из сказанного можно видеть, что автор не дал ответа на поставленный вопрос, не исследовав его чисто теоретически. Общее впечатление от его работы остается неудовлетворительным.

Насколько мы могли проследить, эта работа встретила довольно холодный отзыв в серьезных американских журналах, например, в журнале Ам. Стат. Общества (за июнь 1928). Там указываются следующие три основные недостатка метода, примененного И.; недостаточная глубина количественного анализа и неувязка его с качественным анализом, не исследован особо послевоенный сельскохозяйственный кризис и сделанные выводы преувеличены. Л. Г. Бин в журнале Экон. Общ. (за март 1928 г. тоже критикует методы, примененные автором при его исследовании, в особенности недостаточность числа продуктов, движение цен на которые исследуется, и тех показателей промышленного развития, с которыми сопоставляется это движение цен.

Этим замечанием руководителя «Экономического Бюро с.-х. департамента С. Ш.» можно было ограничиться.

Тем более, что исследования самого Бина привели как раз к другим выводам (см. главу вторую). Связь между промышленным циклом и положением сельского хозяйства устанавливается и W. M. Jardine, б. министром земледелия С. Штатов (Farm income and Farm life, Нью-Йорк, 1927 г., стр. 95 и сл.).

Еще определеннее подчеркивается эта связь в меморандуме Ю. Готие, А. Гермеса и Г. Линдзея, представленном от имени аграрной комиссии Женевской Конференции. «Чрезвычайно важно для сельского хозяйства, — читаем мы на стр. 10—11 этого меморандума,— чтобы промышленность находилась в цветущем состоянии, так как тогда увеличивающаяся покупательная способность обеспечивает быструю и выгодную продажу продуктов сельского хозяйства». Того же мнения держится и комиссия, исследовавшая послевоенный кризис [1].

После этих свидетельств попытки Ингберга доказать значительную независимость развития сельского хозяй-

[1] The agricultural crisis and its causes, Вашингтон, 1921 г.

ства от общего хода промышленности можно было бы считать неудавшимися. Мы все же остановимся на его доводах, так как и в нашей прессе еще встречаются голоса, отрицающие эту связь между развитием промышленности и судьбами сельского хозяйства.

И. поставил себе задачу доказать, что сельское хозяйство не очень заинтересовано в бескризисном развитии промышленности. По существу напрасно копья ломать.

Добиться бескризисного развития капиталистической промышленности такая же утопия, как устранение классовых противоречий в капиталистическом обществе.

Вопрос мог бы быть поставлен в такой плоскости: как уменьшить остроту кризиса, ослабить его действие на сельское хозяйство и предупредить некоторые наиболее тяжелые его последствия. В периоды восходящего развития капиталистического хозяйства удары промышленных кризисов на самом деле чувствовались сравнительно слабо в сельском хозяйстве; но в период все более усиливающегося загнивания европейского капитализма сельское хозяйство будет все чувствительнее реагировать на промышленные кризисы.

И. доказывает, что удары промышленных кризисов проходят в значительной мере мимо сельского хозяйства, слабо его задевая. Присмотримся к его аргументации.

Прежде всего он ломится, так сказать, в открытую дверь, когда он пытается доказать, что изменения в урожае оказывают более непосредственное влияние на цены, чем конъюнктурные изменения. Против этого никто не спорит. В исследовании Ф. Уоррена и А. Пирсона[1] констатируется, что изменение в размерах урожая пшеницы вызывало в годы 1899—1913 следующие колебания цен: Если урожай был на 20% ниже нормального, то цены на пшеницу поднимались в С. Шта-

[1] Interrelationships of Supply and Price, Нью-Йорк, 1927.

тах на 27—37%, если урожай превышал средний на 20%, то цены падали на 17—23%. Когда мировой урожай был ниже среднего на 10%, цены поднимались в Берлине на 9%, в Ливерпуле на 11%, в Канзасе на 14%, в Минеаполисе на 10%, повышение урожая на 10% вызывало соответственное падение цен: в Берлине — на 7%, в Ливерпуле — на 9%, Канзасе — на 11% и в Саратове — на 16%.

Такие резкие колебания цен, конечно, не бывают во время «нормальных» промышленных кризисов. Но все же и они проходят не бесследно в отношении цен.

И. исследовал преимущественно послевоенные годы, когда развитие хозяйства педвергалось специфическим влияниям. Попытаемся проследить влияние кризисов на движение цен пшеницы в С. Штатах. По данным Agriculture Yearbook, фермерский урожай пшеницы и цена на 1 декабря каждого года были:

Годы	Мировой урожай	Сбор в С. Ш. в млн. буш.	Цены на 1 дек. в цент. за буш.
1891	2432	584,5	83,4
1892	2482	528,0	62,2
1893	2559	427,6	53,5
1909	3589	700,4	98,4
1910	3535	635,1	88,3
1911	3552	621,3	87,4

В годы 1891—93 мировой урожай показывает слабое повышение (на 5%), а урожай в САСШ понижение на 27%. Цены, однако, упали на 36%! За второй период мировой сбор, и американский несколько понизились; в то же время упали и цены. Этого нельзя иначе объяснить, как влиянием общей неблагоприятной конъюнктуры за эти годы. Потребление железа, самый яркий показатель промышленной конъюнктуры, понизилось за эти годы следующим образом:

Индекс потребления железа (1881—90= 100)

1892	153,5	1909	435,6
1893	118,8	1910	458,7
1894	112,2	1911	396,0

Мы видим, что указанные годы относятся к периоду неблагоприятных годов, и падение цен на пшеницу, несмотря на уменьшение сборов, мы вправе отнести за счет именно этого обстоятельства.

Мы это тем более вправе делать, что одновременно констатируем падение потребления пшеницы. На самом деле, оно составило (в млн. квинталов):

1891/92	90,2	1909/10	144,0
1892/93	73,8	1910/11	133,9
1893/94	50,3	1911/12	130,0

Мы полагаем, что этими данными устанавливается известная зависимость цен на пшеницу от размеров ее потребления и последнего от общего положения хозяйства. Если эта взаимная зависимость не выступает так определенно во время других кризисов, то потому, что она затемняется разными случайными моментами.

Для того, чтобы выявить зависимость с. х. от развития промышленности, нельзя просто противопоставлять площадь посева потреблению пшеницы [1], а необходимо в то же время определить покупательную способность пшеницы по отношению к другим товарам.

Размеры посевов зависят от выгодности их, которая проявляется в покупательной способности пшеницы. Поэтому мы на основании данных ежегодников Департамента Земледелия исчислили размеры посевов, индексы фермерских цен на пшеницу и покупательную способность пшеницы (разделив фермерские цены на общий индекс цен всех товаров) и получаем следующую картину. (Табл. № 1. см. на след. стр.).

Из этих данных вытекает совершенно правильное взаимоотношение между посевной площадью и покупательной способностью пшеницы. Последняя показывает в 1884 г. резкое понижение (1,09 до 0,83),

[1] Надо тут заметить, что И. совершает еще и ту ошибку, что он берет площадь посева 10 культур вместе. Так как развитие кормовых культур определяется другими моментами, чем положением промышленности, то объединение их в одно не дает возможности выявить связь между промышленностью и с. х.

в результате чего и посевная площадь сократилась в 1885 году. В 1885 г. покупательная способность пшеницы поднялась, и посевная площадь увеличилась. Дальнейшее понижение покупательной способности пшеницы в 1889 г. вызывает и сокращение посевной площади в 1889 г. 1893 г. показывает самую низкую покупательную способность пшеницы и понижение посевной площади. Затем посевная площадь все расширяется до начала XX столетия, когда покупательная способность снова падает. Наконец, вместе с падением покупательной способности пшеницы в 1906 г. замечается сокращение площади посева, продолжавшееся до 1907 г., когда покупательная способность пшеницы поднялась.

Этими данными подтверждается то известное уже положение, что американский фермер, в противоположность утверждениям И., строго рассчитывает, выгодно ли ему расширять посевы или нет. Само собой разумеется, что совершенно наивный взгляд некоторых горе-экономистов, что площадь посевов не может быть больше увеличена, опровергается всем развитием САСШ, где она в 1919 г. в два раза превышала площадь посева 80-х годов.

Но чем определяется покупательная способность пшеницы? Несомненно, что спрос на хлеб усиливается во время промышленных подъемов и падает во время

Таблица № 1

Годы	Индекс фермерск. цен на 1 буш. пшен.	Покупательная способность пшеницы	Индекс посевной площади пшеницы
	1901—1910=100		1881—90=100
1881	150,1	1,44	103,5
1882	111,3	1,05	101,8
1883	114,7	1,09	100,2
1884	81,2	0,83	108,4
1885	97,0	1,05	93,9

Годы	Индекс фермерск. цен на 1 буш. пшен.	Покупательная способность пшеницы	Индекс посевной площади пшеницы
	1901—1910=100		1881—90=100
1886	86,5	0,96	101,0
1887	85,8	0,94	103,2
1888	116,6	1,25	102,4
1889	87,5	0,94	92,2
1890	104,9	1,15	93,3
1891	105,0	1,17	103,8
1892	78,3	0,93	108,7
1893	67,4	0,78	104,0
1894	61,6	0,80	108,1
1895	63,3	0,81	112,0
1896	90,3	1,20	120,5
1897	101,9	1,36	126,3
1898	73,3	0,94	140,0
1899	73,8	0,88	144,4
1900	78,1	0,86	141,1
1901	78,8	0,89	144,1
1902	79,3	0,84	136,1
1903	87,5	0,91	141,6
1904	116,4	1,21	131,2
1905	94,0	0,98	135,6
1906	83,4	0,83	131,2
1907	108,9	1,04	123,8
1908	116,1	1,15	126,2
1909	123,9	1,14	121,6
1910	111,2	0,98	125,4
1911	110,1	1,06	135,9
1912	95,7	0,86	125,7
1913	100,6	0,90	137,8
1914	124,2	1,13	146,9
1915	115,7	1,02	166,1
1916	201,9	1,42	143,6
1917	252,9	1,28	123,8

Годы	Индекс фермерск. цен на 1 буш. пшен.	Покупательная способность пшеницы	Индекс посевной площади пшеницы
	1901—1910=100		1981—90=100
1918	257,2	1,18	162,5
1919	270,6	1,17	207,8
1920	181,0	0,72	167,7
1921	116,6	0,71	174,9
1922	126,8	0,76	171,0
1923	116,2	0,67	163,9
1924	163,6	0,97	144,1
1925	178,3	1,01	143,5
1926	150,9	0,89	154,5
1927	140,8	—	160,9

кризиса. Но дело не только в этом спросе, а в том, что выросший спрос не находит соответственного предложения, так как капитал уходит в промышленность. Интенсификация продукции идет, но в недостаточном размере. Поэтому цены на сел.-хоз. продукты должны в течение некоторого времени подняться выше общего уровня цен. Затем рост цен на сырье может погнать цены на готовые промышленные изделия так высоко, что они обгоняют рост цен на хлеб, и сел.-хоз. кризис может начаться раньше промышленного, вследствие падения покупательной способности фермерских товаров, хотя бы потребление хлеба и других сел-хоз. товаров еще продолжало расти. При наступлении промышленного кризиса сокращение спроса на хлеб и т. д. должно нормально вызвать резкое падение цен на сел.-хоз. продукты, чаще всего именно на хлеб, цены на который в период промышленного оживления поднимаются быстрее, чем цены на продукты скотоводства. В годы, предшествующие кризису, продукция хлеба может относительно быстрее расширяться, чем скотоводство, развитию которого мешают в этот период растущие цены на хлеб. Поэтому по отношению к хлебу

получается перепроизводство, между тем как по отношению к продуктам скотоводства его может и не быть, потому что удешевление хлеба содействует увеличению потребления продуктов скотоводства. Отсюда и более медленное падение цен на продукты скотоводства, чем на зерновые продукты. В сельском хозяйстве наблюдается тот же закон движения цен на сырье и готовые изделия, который выражен Марксом следующими словами: «При повышении цены сырого материала цена на фабрикаты повышается не в том отношении и не в том отношении падает при понижении цены сырого материала» (Капитал, т. III, ч. 1, стр. 84).

Та же взаимная зависимость цен на хлеб и на продукты скотоводства, как между ценами на фабрикаты и на сырье, только доказывает, что общие законы ценообразования остаются одинаковыми для сельского хозяйства и для промышленности. Кто упускает из виду, подобно И., эти общие законы, тот, конечно, ровно ничего не поймет и в вопросе о связи между сельским хозяйством и промышленностью. Мы не можем дать здесь анализа этих взаимоотношений между промышленностью и с. х. и ограничиваемся только констатированием почти полного параллелизма между потреблением пшеницы и потреблением железа в САСШ (таблица № 2), а также между размерами урожаев основных хлебов и колебаниями конъюнктуры. Беря всю посевную площадь этих хлебов вместе, мы колебания в ее размерах почти не находим, так как движение цен на эти хлеба не всегда идет вполне параллельно. Когда невыгодно засевать пшеницу, может оказаться выгодным засев кормовыми травами, которые требуют меньше ухода за собой. Кризисные колебания здесь сказываются в уменьшении урожайности в результате ухудшившейся обработки земли. Уменьшение площади посева или во время кризисов, или в следующие за ними годы мы констатировали для пшеницы, а именно в годы: 1885, 1890, 1893, 1904, 1907—1909, 1912 и 1920—1924. Понижение потребления отмечается в те же или в следующие за ними сельскохозяйствен-

Таблица № 2

Связь между потреблением пшеницы и потреблением железа

Годы	Индекс потребления железа [1]	Индекс потребления пшеницы [2]	Годы	Индекс потребления железа [1]	Индекс потребления пшеницы [2]
	(1881 — 90 = 100)			(1881 — 90 = 100)	
1881	77,6	77,6	1901	267,3	164,8
1882	84,2	113,1	1902	315,2	149,7
1883	82,5	95,8	1903	305,3	169,5
1884	71,0	120,5	1904	277,2	164,9
1885	72,6	79,7	1905	389,4	194,6
1886	102,3	93,5	1906	432,3	193,9
1887	112,2	105,4	1907	434,0	149,9
1888	112,2	102,0	1908	267,3	181,9
1889	130,4	121,6	1909	435,6	195,9
1890	155,1	90,1	1910	458,7	182,2
1891	140,3	121,7	1911	396,0	176,9
1892	153,5	100,4	1912	496,7	189,1
1893	118,8	68,5	1913	518,1	196,3
1894	112,2	99,2	1914	391,1	184,8
1895	160,0	108,7	1915	498,3	259,5
1896	141,9	86,8	1916	658,4	184,1
1897	158,4	95,6	1917	641,9	173,5
1898	193,1	144,9	1918	650,1	178,5
1899	226,1	110,9	1919	518,1	211,3
1900	227,7	91,7			

[1] Календарные годы.
[2] Годы, начиная с 1/VIII и кончая 31/VIII.

ные годы: 1885, 1891, 1894, 1900, 1907 и 1911. В эти же годы падает и урожай основных хлебов, как видно из приведенной таблицы № 3 на стр. 113.

Инберг приводит на стр. 26—27 индексы площадей и сборов 10 главных культур, включая сюда, кроме тех, о которых мы уже говорили, еще хлопок, сено, картофель и табак. Хотя он объединяет культуры различного рода вместе, все же можно заметить известную закономерность, сбор их падает в годы: 1893, 1901, 1907 и в 1921. Неужели это только случайное совпадение между суммой всего урожая и промышленным кризисом? Влияние цикла на сбор пшеницы признается и И. (стр. 35—37 и 257). Но он не сумел выявить определенную закономерность в этих явлениях, так как он не сумел отделить влияние одних факторов от других. Так, в одном месте (стр. 253) он приводит таблицу потребления хлеба, которая доказывает, по его мнению, что оно во время кризиса 1921 г. увеличивается. Однако, этот результат получается только потому, что он сравнивает потребление в 1921 г. с потреблением в совершенно ненормальный 1920 г.

Если сопоставить потребление в 1921 г. и в следующие годы с довоенным потреблением, получается совсем иная картина, как видно из данных монографии: Fr. M. Surface, The Stabilisation of the price of Wheat during the war, 1925 г.

По данным этой монографии, носящей характер официального документа, потребление пшеницы в САСШ было[1]: В бушелях на 1 душу: 1909 г. — 13 — 6,21, 1918 г. — 4,95, 1919 г. — 6,64, 1920 г. 5,05, 1921 г.— 5,26, 1922 г. — 5,83.

Потребление за все перечисленные послевоенные годы, за исключением 1919 г. было крайне низким, в среднем за 1920—1922 г. составило 5,35 буш., или 86%

[1] Wheat studies of the Food Bes. Inst. за декабрь 1927 г., стр. 86 дает следующее потребление пшеничной муки на 1 душу населения: 1914 г. — 1036 баррелей, в 1919 г. — 893, в 1926 г. — 896, в 1922 г.— 902 баррелей, следовательно значительно меньше, чем до войны.

Таблица № 3

(The Agricultural Crisis and its Causes)

Индексы развития американского зерноводства

(кукурузы, пшеницы, ржи, ячменя, овса, риса и полбы)

Годы	Посевная площадь	Урожайность на 1 акр	Сбор на 1 душу населения	Годы	Посевная площадь	Урожайность на 1 акр	Сбор на 1 душу населения
	(1909 — 1913 = 100)				(1909 — 1913 = 100)		
1866 . . .	31	92	75	1890. . . .	70	76	79
1867 . . .	33	87	73	1891. . . .	74	103	111
1868	34	93	79	1892. . .	74	88	132
1869	35	92	79	1893. . . .	74	83	87
1870 . . .	35	102	86	1894. . . .	72	77	77
1871 . . .	33	102	78	1895. . . .	82	102	112
1872	34	106	83	1896. . . .	84	102	113
1873	37	89	75	1897. . . .	85	93	102
1874	40	79	69	1898. . . .	88	98	110
1875	41	101	93	1899. . . .	93	96	111
1876	47	90	88	1900. . . .	92	95	108
1877	47	100	95	1901. . . .	93	76	85
1878	51	98	98	1902. . . .	92	105	114
1879	60	105	119	1903. . . .	91	94	99
1880	61	98	111	1904. . .	91	100	103
1881	62	72	80	1905. . . .	92	109	111
1882	64	92	104	1906. . .	93	113	114
1883	66	85	97	1907. . . .	92	97	95
1884	68	94	109	1908. . .	93	98	95
1885	68	94	106	1909. . . .	95	102	99
1886	71	85	98	1910. . . .	99	104	104
1887	71	70	88	1911. . . .	102	89	90
1888	73	93	105	1912. . . .	101	114	113
1889	70	100	107	1913. . . .	103	93	92

довоенного. Следовательно, дело не в том, чтобы при резком падении даже розничных цен на муку (с 213 до 161 по сравнению с ценой 1913/1914 принятой за 100) в 1921 г. несколько возросло потребление, а в том, что оно вообще оставалось крайне низким при продукции, еще в 1921 г. значительно превышавшей довоенную (690 млн. буш. в среднем в 1909—1913, 833 млн. в 1920, 795 млн. в 1921 г. и 868 млн. буш. в 1922 г.).

На этом примере мы наглядно убеждаемся, что анализ И. недостаточен, что вопрос, за решение которого он взялся, гораздо более глубок, чем ему кажется, и что во всяком случае его нельзя решать исключительно на основании неполных статистических данных, которые И. приводятся без правильного теоретического подхода. Наши исследования в этом направлении заставляют нас признать правильность установки Бина, что и сельское хозяйство переживает определенные циклы развития, в общем и целом совпадающие с промышленными циклами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

К методологии вопроса об аграрном кризисе[1]

Под кризисом я понимаю временное разрешение противоречий развития капиталистического хозяйства, разрешение, проявляющееся в резком падении цен ниже среднего уровня производственных расходов и в замедлении процесса расширенного воспроизводства или даже во временной его приостановке. Говоря о временном разрешении капиталистических противоречий, я имею в виду только социальные отношения, которые являются объектом изучения политической экономии, а не просто производственные моменты. Я подчеркиваю это потому, что тов. П. И. Лященко и др. стали делать различие между «аграрным кризисом» и «сельскохозяйственным кризисом», заявляя, что сельскохозяйственные кризисы понятие производственного характера, аграрные — понятие социального порядка. Такое разделение методологически неправильно, потому что мы не изучаем производственные моменты вне социальных отношений, порождаемых ими. Для нас понятие кризиса, как все понятия политической экономии, чисто социального порядка.

Мы изучаем проблему не труда вообще, а проблему рабочей силы в капиталистическом хозяйстве, которая является объектом купли и продажи.

---

[1] Из доклада в семинарии МАИ 11 мая 1929 г.

Мы изучаем стоимость, как производственные взаимоотношения людей между собой в товарном хозяйстве, следовательно, проблему социального порядка, а не только чисто производственные моменты, и, говоря о сельскохозяйственных или аграрных кризисах, мы имеем в виду: разрешение социально-экономических противоречий, которые накапливаются ходом развития капиталистического хозяйства в деревне.

Подчеркивая далее, что эти противоречия накапливаются ходом развития капиталистического хозяйства, я этим хочу сказать, что я не изучаю кризисы случайного порядка, не связанные с самим процессом развития капиталистического хозяйства, например, кризисы благодаря урожаю или неурожаю. В последнем случае нельзя установить определенной закономерности, между тем смысл экономической теории заключается именно в выявлении закономерности изучаемых явлений.

Следовательно, мы изучаем не случайные кризисы, а именно цикличные кризисы, т.-е. те, которые регулярно повторяются в капиталистическом хозяйстве, скажем, каждые 7—10 лет. Всякий отрыв понятия цикличности от понятия кризиса уничтожает и то и другое. Теория капиталистических кризисов это — теория цикличных кризисов, и только в этом аспекте рассматривал проблему кризиса Маркс. Всякие другие кризисы могут изучаться с какой-нибудь специальной точки зрения, но определенной закономерности, правильности их явлений установить нельзя. Поэтому заявление Каутского, которое повторяют и некоторые товарищи, что сельскохозяйственные кризисы не подчинены закону цикличности, уже тем самым ставит проблему сельскохозяйственных кризисов вне сферы научной марксистской теории кризисов. Для их объяснения приходится искать особые специфические законы развития, о которых мы до сих пор ничего не знаем.

Третий момент, вытекающий из того же определения кризиса, которое я дал, заключается в том, что эти

противоречия возникают в сфере производства, проявляются в сфере обращения, в движении цен и распределении прибыли, и в окончательной форме снова проявляются в производственной сфере в виде сокращения процесса расширенного воспроизводства.

Хотя элемент кредита имеет большое влияние на ход кризисов, углубляя их влияние, но не в этой сфере приходится искать основную причину кризиса, а в производственных условиях, которые являются доминирующими, определяющими развитие хозяйства вообще и сельского хозяйства в частности. Противоречия, приводящие к кризису, проявляются в сфере обращения, т.-е. в ценообразовании, потому что цена в капиталистическом хозяйстве есть зеркало, отражающее те явления, которые происходят в процессе производства и в то же время являются фактором, влияющим на распределение капитала и на производство. Цена — это фокус, в котором сходятся все линии развития капиталистического хозяйства, и в цене находят свое отражение все те противоречия, которые накапливаются в области производства.

Поэтому Маркс и говорит, что наиболее ярким выражением кризиса является падение цены после ее повышения.

Вопрос о банкротствах, т.-е., насколько те или другие кризисы проявляются в области кредитных отношений, есть вопрос только о силе и о продолжительности кризисов.

Затем еще одно методологическое замечание, как изучать проблему кризиса. Очень много неясностей внесено в этот вопрос тов. П. И. Лященко в последней статье в «Аграрных Проблемах» (№ 1, за 1929 г.).

Маркс ставит проблему кризисов на самой последней ступени абстракции. Сначала, — говорит он, — следует развить общие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам; потом категории, которые

образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы: капитал, наемный труд, земельная собственность... Обращение, кредит, налоги, государственный долг, население, колонии, эмиграция. Затем он предполагал исследовать международное разделение труда, международный обмен, мировой рынок и на самую последнюю ступень абстрактности он ставит кризисы. Это значит, Маркс мыслил себе изучение кризисов, как объединение общих абстрактных законов с конкретным изучением действительности.

При чем у Маркса понятие конкретности не сводится к тому, что понимает под этим хотя бы историческая школа политической экономии, которая все содержание политической экономии сводит к собиранию и группировке отдельных фактов. Конкретность — это только усложненная абстракция; она предполагается абстрактными положениями. В объяснении проблемы кризиса Маркс объединяет абстрактные определения с конкретным анализом. Поэтому нельзя признать правильным положение П. И. Л., что при отвлеченном анализе сельскохозяйственные кризисы целиком подчиняются промышленным кризисам, а при конкретном их изучении оказывается, что они имеют свою специфическую закономерность. Это есть о т р ы в конкретного от абстрактного. Политическая экономия может и должна стремиться к изучению конкретной действительности при помощи абстрактного анализа, который дал Маркс.

Его абстракция по существу конкретна, он изучал современную конкретную действительность, и только форма изложения у него приняла характер общих абстрактных законов. В одном месте Маркс, например, говорит, что абстрактно выведенная средняя норма прибыли, хотя есть абстракция, но тем не менее регулирует развитие капиталистического хозяйства. Все абстрактные законы Маркса представляют собою только обобщение конкретной действительности, наиболее ее точное и общее выражение. Разрыв между

конкретным и абстрактным анализом ни к чему доброму привести не может.

Абстрактный анализ кризиса, о котором говорит П. И. Л., что он охватывает и сельское хозяйство, заключается в установлении основного закона капиталистического развития, а именно, что капитализм не может развиваться в н е ц и к л и ч н о с т и. Из этого Маркс исходил в своей теории кризиса. Но как совместить с этим заявление, что с. х. не подчиняется цикличным кризисам? В этом глубокое противоречие всего построения П. И. Л.

По его мнению, конкретная действительность опровергает общий закон капиталистического развития, установленный Марксом. П. И. Л., говорит: «Абстрактная теория капиталистических кризисов должна полностью относиться и ко всем отдельным частям капиталистического целого». Следовательно, и к с. х.; далее Л. отрицает наличность каких-либо «специфических» с. х. кризисов. Теория последних является лишь модификацией, усложнением и конкретизацией общей теории (стр. 21 и 22). Но на стр. 35 мы узнаем, что с. х. кризисы имеют свои причины и источники наступления и изживания. Как же это так? С одной стороны общая теория покрывает полностью и проблему с. х. кризиса, а с другой стороны — все-таки имеются и «свои» причины. А главное, как с этим согласовать отрицание цикличного характера с.-х. кризисов?

Ведь нет «абстрактной» теории кризисов, которая не охватывала бы и проблемы цикличности. А раз она составляет существенную часть общей теории кризисов, которая относится и к с. х., то как же с. х. не подчиняется цикличному развитию?

Цикличность развития капиталистического хозяйства связана с обновлением и расширением основного капитала.

Но должно ли иметь место расширенное воспроизводство во всех областях народного хозяйства, чтобы наступил кризис? Конечно, нет. Капитали-

стическое хозяйство представляет собой нечто целое; отдельные отрасли хозяйства связаны между собою. Общее направление развития дается ведущей отраслью народного хозяйства, которая определяет собою развитие и всех остальных отраслей народного хозяйства. В первую половину XIX столетия ведущей отраслью была хлопчато-бумажная промышленность, а с 80-х годов — железоделательная промышленность.

Раньше кризисы назревали в текстильной промышленности, а теперь — в железоделательной. Есть ли, однако, необходимость, чтобы противоречия, вызывающие кризис, самостоятельно развивались и в области сельского хозяйства?

П. И. говорит: «На почве предшествовавшего усиленного капиталовложения и расширенного воспроизводства происходит настолько значительное и резкое изменение условий производства, что оно приводит к снижению регулирующей цены, а вместе с тем к снижению высоких рент»... Никакой связи между сельским хозяйством и промышленностью нет, как и нет связи между общим развитием капиталистического хозяйства и развитием с. х. Почему имеет место усиленное капиталоснабжение в с. х.? Отчего поднимаются цены на продукты с. х.? И могут ли они подниматься при усиленном капиталоснабжении? Сельское хозяйство часто, наоборот, страдает от отсутствия капиталов. Почему вдруг оказывается перепроизводство, и падает регулирующая цена? Ведь известно, что она имеет тенденцию к повышению. В этой статье П. И. ответа на эти вопросы не дает. Да он их и дать не может потому, что он отвлекается от условий развития самого сельского хозяйства, которые приходится определять раньше, чем приступить к анализу развития сельского хозяйства.

Я уже говорил, что сельскохозяйственные кризисы, как всякие кризисы, должны прежде всего проявиться в области цен. И, следовательно, для того, чтобы анализировать этот вопрос, необходимо, прежде всего,

установить, почему цены на с. х. продукты то поднимаются, то падают. Буржуазные экономисты обычно стараются затушевывать этот вопрос, указывая на огромную роль в этом отношении урожая или неурожая.

Я об этом говорю в своей полемике против Инберга (см. главу: Взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством). Здесь я хочу обратить внимание на одну методологическую ошибку, которую допустил обычно весьма осторожный проф. Лященко в своей работе и которая весьма характерна для тех, кто судит об экономических проблемах, так сказать, на глаз, не пытаясь их более точно анализировать.

Известно, что в капиталистическом хозяйстве часто бывает такое положение вещей, что неурожай оказывается выгоднее, чем урожай. П. И. Л., приводит пример знаменитого голода, который перенесла Россия в 1891 г. и который явился тяжелым кризисом для большей части нашего крестьянского населения. Он, естественно, вызвал сильное повышение цен. Но это повышение цен, говорит П. И. Л., не только не свидетельствовало о действительном повышении доходности в целом, но, наоборот, сопутствовало полному разорению.

Если сделать простой статистический подсчет, результат получится другой. За пять лет с 1886 по 1890 год в 50 губерниях урожай ржи дает в среднем в год 970,5 млн. пудов, средняя цена ржи была 66 копеек за пуд; или вся стоимость сбора ржи составила 541,5 млн. руб., в 1891 году при сборе в 728,6 млн. пудов по цене в 1 р. 3,8 к. за пуд получилось 755,3 млн. руб., т.-е. на 200 млн. руб. больше чем в среднем за 1886—90 гг. Это мимоходом. Важнее выяснить, чем определяются цены на с.-х. продукты?

Я думаю, достаточно будет привести следующее место из III тома «Капитала», чтобы увидеть, в какой тесной связи стоит проблема с. х. кризисов с развитием промышленности: «Вполне возможно, и при разви-

том капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящей из основного капитала, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органических сырых материалов; вследствие этого спрос на сырые материалы увеличивается быстрее их предложения, и поэтому цена их повышается» («Капитал», III, стр. 95). И далее: «Чем более развито капиталистическое производство, тем более поэтому имеется средств для быстрого и безостановочного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительных и животных сырых материалов, тем отчетливее проявляется увеличение их цен и соответствующая этому последнему реакция».

В капиталистическом хозяйстве цены являются отражением процессов распределения капитала; если капитал уходит в одну область в большей мере, чем в другую, нарушая правильную пропорцию распределения всех отраслей, недостаток в капитале в данной отрасли сказывается в повышении цен на те товары, которые ею производятся. Таким образом, цены на различные товары являются отражением правильного или неправильного распределения капитала. Если в одной области оказывается перенакопление капитала, а в другой недостаток капитала, то в одной оказывается излишек товара, а в другой недостаток его, в одной цены падают, а в другой подымаются. Вместе с развитием капиталонакопления в промышленности, сельское хозяйство должно отставать в своем развитии. Отставание с. х. вследствие естественных и других моментов вызывает регулярно в период процветания промышленности повышение цен на с. х. товары, которые на определенной ступени приводят к общему кризису в промышленности и в сельском хозяйстве. Отсюда вытекает, что подъем

цен определяется не столько естественными моментами, сколько перераспределением капитала в стране. Другими словами, расширенное воспроизводство основного капитала в основных отраслях народного хозяйства вызывает перенакопление капитала в этих отраслях и недостаток капитала в сельском хозяйстве и вместе с этим и повышение цен на с.-х. продукты, а впоследствии — также и кризис.

Когда я указывал на это место у Маркса, мне возражали, что Маркс говорил о «сырых материалах», а не о с. х. продуктах. Ничего подобного. Маркс говорит:

«Растительные и животные вещества». Да и самый термин «сырые материалы», по Марксу, охватывает решительно все, что не входит непосредственно в личное потребление. Такое разделение между сырыми материалами и другими с.-х. продуктами, например, между кожей и мясом, не выдерживает никакой методологической критики. Кожа, это — сырье, но и мясо — сырой материал, поскольку оно проходит через ряд функций, раньше, чем попасть к потребителю. Вот как надо представить себе процесс образования цен в сельском хозяйстве, если рассматривать этот вопрос не с точки зрения погоды, как это делает Ингберг и др. буржуазные экономисты, а с точки зрения экономики. Цены определяются развитием капиталистического хозяйства в целом, т.-е. развитием отраслей производства средств производства, как ведущих отраслей.

Рассматривать же сельское хозяйство вне процесса расширенного воспроизводства основного капитала, значит отказаться от всякого научного анализа проблемы с. х. кризиса.

Итак, говоря о развитии сельского хозяйства, мы должны всегда иметь в виду, что это — одна из отраслей народного хозяйства. Нет никаких специфиче-

ских моментов или особых причин, как говорит Лященко, которые вызывают тот кризис в сельском хозяйстве, который мы изучаем (а не случайный переворот в условиях производства). Он их не открыл, потому что их в природе нет. Поскольку кризис проявляется в области цен и взаимоотношений между ценами и про-

Применение в сельском хозяйстве первичных двигателей [1]

	Мощность применяемых первичных двигателей					Число занятых в сельском хозяйстве в тысячах	Мощность двигателей на 1 занятого в лошадиных силах	Мощность двигателей на 1 рабочего в фабричной промышлен.
	В тыс. лошад. сил			В % к 1899 г. (1899 = 100)				
	Всего	В сельском хозяйстве	%	Всего	В сельском хозяйстве			
1879 . .	13 496	600	4,4	32,2	18,2	7 663	0,08	1,25
1889 . .	26 386	1 200	4,6	62,9	36,4	8 451	0,14	1,40
1899 . .	41 887	4 300	10,3	100,0	100,0	10 249	0,42	1,90
1909 . .	87 611	8 950	10,2	209,1	208,2	12 365	0,72	2,82
1919 . .	152 429	16 980	11,1	363,8	395,0	10 646	1,59	3,26
1923 . .	209 014	18 300	8,8	498,9	425,7	10 000	1,83	3,76

изводственными расходами, в результате чего замедляется процесс расширенного воспроизводства, постольку нельзя говорить о кризисах с. х. (отвлекаясь от естественных моментов) вне зависимости от общего развития промышленности, так как цена и на с. х. продукты определяется общим распределением капитала в стране. Только от него зависит повышение или понижение цен и на сельскохозяйственные продукты.

Этим не сказано, что с. х. ничем не отличается от промышленности. Но о каких специфических условиях

[1] Power capacity and prod. in the United States. 1928.

развития говорит П. И. Л.? Прежде всего он повторяет знакомое выражение о мануфактурном или даже ремесленническом характере с.-х. производства. Я думаю, что к этому мне возвращаться не приходится. Я приведу только некоторые новые цифры (которые опубликованы в Мировом статистическом обозрении, журн. «Аграрные проблемы» № 2) ,о росте применения первичных двигателей во всем народном хозяйстве С. Ш. и специально в сельском хозяйстве.

Во всем народном хозяйстве С. Ш. мощность первичных двигателей увеличилась с 1879 по 1899 г. в три раза, а в с. х. — почти в 6 раз. От 1899 по 1923 г. во всем народном хозяйстве она снова поднимается в 5 раз, а в сельском хозяйстве в 4¼ раза. Если взять мощность двигателя на одного занятого, то в сельском хозяйстве увеличение за весь период (1879—1923) больше, чем в 20 раз, а в промышленности больше, чем в 2 раза. При чем, конечно, в промышленности на одного занятого мощность первичных двигателей в два раза больше, чем в сельском хозяйстве. Я исследовал, далее, повышение производительности труда в Англии с 1908-го по 1925-й год. В сельском хозяйстве оно поднялось на 10% [1], а в промышленности с 1907 по 1925 год — на 11% [2], следовательно, — почти одинаково. В С. Ш., начиная с конца прошлого столетия по 1925 год, увеличение производительности труда в промышленности и в сельском хозяйстве составляет одинаковый процент — 47% [3]. При чем в различные периоды оно было различно. После войны идет более быстрое развитие промышленности (40,5% и 18%). Во время войны развивалось быстрее с. х., чем промышленность. До войны производительность труда в промышленности увеличилась на 10%, а в с. х. — на 6%.

---

[1] Стоимость всей сельскохозяйственной продукции Англии и Уэльса составила в 1908 г. 127,15 млн. ф. ст., в 1925 г. — 225,33 млн., а по ценам 1908 г. 127 млн. Но число занятых в с. х. упало с 1911 по 1921 г. с 1.230 тыс. до 1.124 тыс.

[2] Исчисления G. Schwartz'a в The Ec. Journal март 1929 г.

[3] The American Economic Review за 1928 г., стр. 124.

Привожу еще данные Carver'a в Journal of Farm Economics, за январь 1927 г. Производство 10 основных хлебов на 1 рабочего в С. Ш. увеличилось:

1869—1879 на	20%
1879—1889 „	15%
1889—1899 „	10%
1899—1909 „	2%
1909—1918 „	10%
1919—1924 „	11%

С 1875 по 1924 г. число занятых в с.-х.. увеличилось на 75%, а продукция на 128%. Как можно после этого говорить о застое в с. х. — непонятно.

Следующий момент, который отличает, по словам П. И. Л., с. х. от промышленности состоит в том, что с. х. представляет собою некапиталистический, мелкий, раздробленный характер хозяйства товаропроизводителя. Однако П. И. Л. считает (стр. 28) основным противоречием социальной экономики сельского хозяйства именно противоречие между капиталом и частной собственностью. Как же это так? С одной стороны, сельское хозяйство еще не знает капиталистического способа производства, представляет собою исключительно мелкое товарное хозяйство, а с другой стороны — «противоречие между капиталом и частной собственностью на землю»?

Дальше он еще больше противоречит себе. Он говорит (стр. 35): «С. х. кризисы приобретают капиталистический характер и захватывают все, даже и некапиталистически организованное с. х., именно потому, что процесс образования цен, капиталистический рынок, капиталистические орудия обращения, транспорт и проч. одинаково подчиняют себе как капиталистического, так и некапиталистического производителя».

Совершенно правильно. Капитал подчиняет себе и товаропроизводителя, который зависит от рынка, на котором господствует капитал, но чем тогда отличается сельское хозяйство от промышленности, если оно

подчиняется тем же законам капиталистического развития?

«Сельскохозяйственные кризисы приобретают капиталистический характер», говорит П. И. Следовательно, ссылка на то, что с. х. еще не вышло из стадии развития товарного хозяйства, не меняет положения. На самом деле, как можем мы представить себе, что капиталистически организованное хозяйство будет существовать рядом с некапиталистическим хозяйством, само будет подвергаться кризисам, а некапиталистический мелкий производитель будет процветать и даже не знать, что существуют в стране кризисы. Ясно, что этого нельзя и представить себе.

Мимоходом замечу, что желание П. И. подчеркнуть специфические условия развития сельского хозяйства приводит его к тому, что он видит основное противоречие социальной экономики с. х. не в противоречии между трудом и капиталом, а между капиталом и частной собственностью на землю. И это— в 20-м столетии, после 150 лет господства капитализма, когда основным противоречием, определяющим и развитие народного хозяйства, является противоречие между трудом и капиталом. Мы знаем, что крупный капитал сливается с помещичьим хозяйством, что помещик и капиталист идут теперь рука об руку и что финансовый капитал их объединяет. Поиски особого пути развития с. х., и подчеркивание специфических условий этого развития приводит к бессознательному, конечно, затушевыванию основного противоречия между трудом и капиталом.

О специфических условиях развития с. х. мы говорили выше.

Теперь отметим, как они влияют на с.-х. кризис. Мы имеем в сельском хозяйстве три фактора: зарплату, прибыль фермера и ренту землевладельца. Обычно в с.-х. кризисе видят выражение падения ренты, т.-е. дохода землевладельцев. Но и в сельском хозяйстве регулирующим моментом является не рента, а норма прибыли. Рента является уже сверхприбылью, которая

создается в сельском хозяйстве. Определяющей развитие хозяйства является норма прибыли, а не рента. Рента сама зависит от величины нормы прибыли. Поэтому свести эволюцию сельского хозяйства к движению ренты, значит не заметить основной движущей силы в сельском хозяйстве. Однако, я этим отнюдь не сказал, что падение ренты не может вызвать кризиса.

Но это — только один и не самый существенный фактор, вызывающий кризис. После войны было обследовано большое количество хозяйств в С. Ш., и оказалось, что только 2,7% банкротств вызваны тем, что эти хозяйства заплатили высокие цены за землю.

Причина с.-х. кризисов, по Лященко, заключается в следующем: благодаря закреплению рент в арендных ипотеках и т. д., падает доход сельского хозяйства. А как в таком случае, если рента падает параллельно с падением доходности, как это имело место в С. Ш. во время послевоенного кризиса?

Мы выводим и с.-х. кризис из основного противоречия современной с.-х. экономики, а именно: из противоречия между зарплатой и прибылью, которое проявляется в падении нормы прибыли. Другого марксистского объяснения с.-х. кризисов быть не может.

Теперь остановлюсь еще несколько на проблеме цикличности. Я уже доказал теоретически, что сельское хозяйство должно так же переживать цикличные колебания, как и промышленность. У всех теоретиков было представление, что с.-х. кризисы это — длительные кризисы. Но почему с. х. должно переживать длительные кризисы, если промышленность не знает длительных кризисов? Или мы должны признать, что с. х. не подчиняется общим законам развития.

На самом деле, история не знает длительных кризисов; это — миф, что кризис продолжался от середины 70-х до середины 90-х годов. На приводимом бюджетном обследовании английского хозяйства можно

констатировать правильную цикличность, повышение или падение доходности хозяйства в зависимости от развития промышленности; в годы кризиса падает доходность, а в годы промышленных подъемов она повышается.

Приводим ниже бюджет крупной английской фермы с капиталом в 5.000 ф. ст., который весьма характерен для английского сельского хозяйства. Эта ферма обрабатывала с 1878 по 1894 г. 400 акров, из которых половина находилась под пашней. С 1895 по 1918 г. в ее владении находились 740 акров, а под пашней — 470 акров, в то же время капитал увеличился до 10.000 ф. ст. Средний доход на капитал составил за год 1878 — 94 — 3%, в 1895—1913 гг. — 10% и в годы войны — 1914—18 даже 20%. Средняя доходность за 1878—95 г. относительно низкая, но она сильно колеблется в зависимости от общего состояния конъюнктуры, как видно из данных табл. на стр. 130.

Годы 1879, 1882—86, 1892/93, 1901, 1904 и 1908 явно кризисные годы. Кризис начала 80-х годов относительно продолжительный (5 лет), затем положение улучшается; но через 10 лет после начала первого кризиса наступает новый кризис, который продолжается 2—3 года; через 9 лет разражается новый кризис и через 7 лет — опять кризис налицо. Не трудно видеть, что эти кризисы правильно повторяются вслед за промышленными кризисами. Случайно ли это?

Надо думать, что низкая средняя доходность за 1874—94 г. определялась относительно неблагоприятными условиями общего развития английской промышленности в эти годы: затем приходится принять во внимание, что это — только номинальное выражение доходности (реально она поднялась выше, благодаря падению товарных цен).

Начиная с 1909 г. приводятся в тех же материалах данные о доходах еще нескольких ферм, которые показывают удивительное падение доходов в 1911 и 1912 гг. Это явилось отражением кризиса в американ-

Доходность крупной фермы за годы 1878 по 1919 г.

1878 до 1894			1895 до 1913		1914 до 1918	
Годы	Прибыль	Убыток	Годы	Прибыль	Годы	Прибыль
	Ф. стер.			Ф. стер.		Ф. стер.
1878 . .	485	—	1895 . .	605	1914 . .	1.550
1879 . .	—	359	1896 . .	694	1915 . .	2.157
1880 . .	290	—	1897 . .	1.108	1916 . .	3.246
1881 . .	277	—	1898 . .	1.065	1917 . .	970
1 82 . .	2	—	1899 .	900	1918 . .	1.797
1883 . .	—	61	1900 . .	1.261		
1834 . .	—	26	1901 . .	690	Итого за 5 лет .	9.723
1885 . .	10	—	1902 . .	1.002		
1886 . .	48	—	1903 . .	960	Среднее — 1.944	
1887 . .	155	—	1904 . .	528		
1888 . .	487	—	1905 . .	1.131		
1889 . .	464	—	1906 . .	765		
1890 . .	245	—	1907 . .	1.146		
1891 .	255	—	1908 . .	476		
1892 . .	42	—	1909 . .	516		
1893 .	49	—	1910 . .	488		
1894 . .	215	—	1911 . .	559		
			1912 . .	651		
Общ. приб.	3.030	417	1913 . .	772		
Минус уб.	447					
			Итого за 19 лет	15.126		
Чист. приб. за 17 лет.	2.583					
			Среднее — 796			
Среднее — 151						

(Royal Commission of Agriculture, Minutes of evidences, Volume IV. London, 1919 г., Appendix № 2, стр. 13).

ском с. х., который разразился в эти годы под влиянием промышленного кризиса.

Колебания в доходности американских фермеров мы приводим по двум источникам: по данным W. I. King'a в Journal of Farm Economic (за январь 1928 г.) и по данным The Review of Economic Statistics (№ 4 за 1928 г., стр. 174—176) они были:

Годы	Данные Кинга в долл. на 1 ферму		Данные the Review of Ec. Statistics		
	Ном.	По ценам 1913 г.	Валовой доход	Расход	Условно чистый доход
			(в долларах на 1 ферму)		
1907 .	—	—	1.189	458	731
1908 .	—	—	2.189	1.123	1.058
1909 .	680	703	—	—	—
1910 .	671	675	2.203	832	1.371
1911 .	595	612	2.031	922	1.109
1912 .	647	656	1.712	768	944
1913 .	689	689	2.859	1.373	1.486
1914	663	663	2.575	1.341	1.234
1919 .	1.699	921	4.316	2.275	2.041
1920 .	1.348	674	4.715	3.330	1.385
1921	816	524	3.357	2.456	901

Данные указанных источников весьма различны; но оба констатируют, что доходы фермеров упали в 1911 и в 1912 г., что несомненно связано с кризисом в промышленности в эти годы. Между с. х. кризисом в 1911 или 1912 и в 1921 г. нет качественной разницы: они различаются только по степени, точно так же, как между кризисам в промышленности в эти годы. Более слабому кризису в промышленности в 1911 г. соответствует и более слабый кризис в с. х.

Что развитие с. х. идет в общем и целом параллельно развитию промышленности, видно, между прочим, и из следующих данных, характеризующих производство

с.-х. и горных продуктов и обработку их. В число с.-х. продуктов включены след.: пшеница, кукуруза, ячмень, овес, рожь, рис, хлопок, шерсть, сено, картофель, сахар, табак, кожи и яблоки. К числу обработанных с.-х. продуктов относятся: кроме обработанных продуктов из перечисленных видов «сырья», еще продукты скотоводства (за исключением молочных), текстильные изделия и кофе.

Если принять, что обработанные с.-х. продукты представляют собой отрасль хозяйства, изготовляющую предметы потребления (II подразделение Маркса), а обработка горного сырья — производство средств производства (I подразделение), то мы имеем, до известной степени, возможность сравнивать развитие трех сфер народного хозяйства: с. х., производство предметов потребления, производство средств производства, как и развитие всей промышленности. В следующей таблице (см. сл. страницу) и приведены индексы — показатели, характеризующие цикличные колебания этих отраслей хозяйства; к таблице прилагаем еще диаграмму, иллюстрирующую это развитие (см. диагр. на стр. 138).

Некоторые расхождения в линиях развития этих сфер хозяйства имеются несомненно. Но развитие с. х. не больше отклоняется от общей линии развития промышленности, чем развитие I подразделения от II подразделения. Этим параллелизм между с. х. и промышленностью доказан, как и то, что кризис в с. х. иногда начинается даже несколько раньше, чем в промышленности. Это обстоятельство, как мы доказали в предыдущих главах, не доказывает зависимость промышленности от с. х., а, наоборот, является результатом зависимости с. х. от развития промышленности: вызванный промышленным развитием подъем цен на с.-х. продукты может, вследствие подвоза этих продуктов из других мест и значительного увеличения продукции при относительно медленном росте потребления, вызвать обратное движение цен на с.-х. продукты раньше, чем начинается общий кризис.

Производство сырья и готовых изделий в Америке
1911 — 13 = 100

Годы	Сырье		Всего	Готовые изделия		Всего
	Сельское хозяйство	Горное		Обработка с.-х. продукт.	Горное	
1890 .	57	30	52	61	17	42
1891 .	73	32	66	68	16	46
1892 .	62	34	58	67	19	47
1893 .	63	34	58	61	16	42
1894 .	62	33	57	61	17	43
1895 .	74	37	68	75	23	53
1896 .	79	39	72	65	20	46
1897 .	78	40	72	87	26	61
1898 .	84	43	77	78	32	58
1899 .	82	48	77	70	38	57
1900	82	52	78	74	35	57
1901 .	73	55	71	87	44	69
1902 .	92	57	87	87	50	71
1903 .	86	64	83	83	49	68
1904 .	94	66	89	91	52	74
1905	94	74	90	98	71	86
1906 .	100	77	96	97	83	90
1907 .	89	86	90	98	82	91
1908 .	95	79	91	94	57	78
1909 .	95	87	95	102	88	96
1910 .	98	94	98	95	92	93
1911 .	93	93	93	97	85	92
1912 .	111	101	109	102	107	104
1913 .	96	106	98	101	108	104
1914 .	108	100	106	103	85	95
1915 .	116	108	113	110	110	111
1916 .	101	123	106	117	145	131
1917 .	110	131	113	118	148	135
1918 .	108	132	111	126	145	137
1919 .	112	112	110	120	118	126

Этим я считаю свою задачу исчерпанной. Я думаю, что доказал существование периодичных с.-х. кризисов, которые вызываются развитием промышленности. Позволю себе поставить только еще один вопрос товарищам, которые видят в кризисе 70-х годов прошлого столетия исключительно результат американской конкуренции: почему цены на картофель в Англии пали в таком же размере, как цены на пшеничную муку, и в большем размере, чем на хлеб? Картофель не предмет мирового транспорта. В эти годы, 1870—80 г., картофель ввозился в Соед. Штаты, а не вывозился. В Соед. Штатах цены на картофель упали с 1881—85 по 1896—1900 на 21%, а в Англии на 31%. Чем это вызывается, раз конкуренция других стран не имела места. Англия почти не ввозила картофеля. Очевидно, суть дела в падении производственных расходов и в том, что общее положение на английском рынке было депрессивным.

Но почему не часто говорят о с.-х. кризисах, а говорят о длительных с.-х. кризисах. Мы частично об этом говорили в четвертой главе; заметим еще следующее: дело в том, что все принимают на веру субъективное представление крестьян, которые еще не освободились от своих товарно-денежных представлений. Крестьянин представляет себе выигрыш только в виде налично увеличившейся суммы. Промышленник смотрит на вещь с точки зрения увеличения своего реального капитала, хотя бы он номинально уменьшился. Товаропроизводителю при уменьшении наличной суммы кажется, что он ничего не выигрывает. Доход сельского хозяйства в Англии в номинальном выражении в 1875—96 г. уменьшился; но цена других товаров пала еще сильней. Реально имело место увеличение дохода. Но так как номинально доход пал, то всем казалось, что сельское хозяйство переживало плохие годы. Если бы эти годы были сплошным кризисом, то наступило бы уменьшение количества хозяйств, бегство из деревень и т. д. Этого мы нигде не замечали. Отсюда ясно, что дей-

ствительно сплошного кризиса не было. Был только самообман, который вызван неясным представлением о сущности денег у крестьян, стремящихся превратить эти деньги не в реальные ценности, а накопить их. Им казалось, что они недостаточно зарабатывают.

Наконец, еще последнее замечание о влиянии кризисов на развитие хозяйства. Тут интересно отметить, как неправильная установка приводит к неправильному толкования текста даже у таких авторов, как т. Лященко.

Ленин пишет: «Аграрный кризис, как всякий кризис, разоряет массы мелких хозяйств, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, местами ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений, но в общем и целом он ускоряет общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последних прибежищ»...

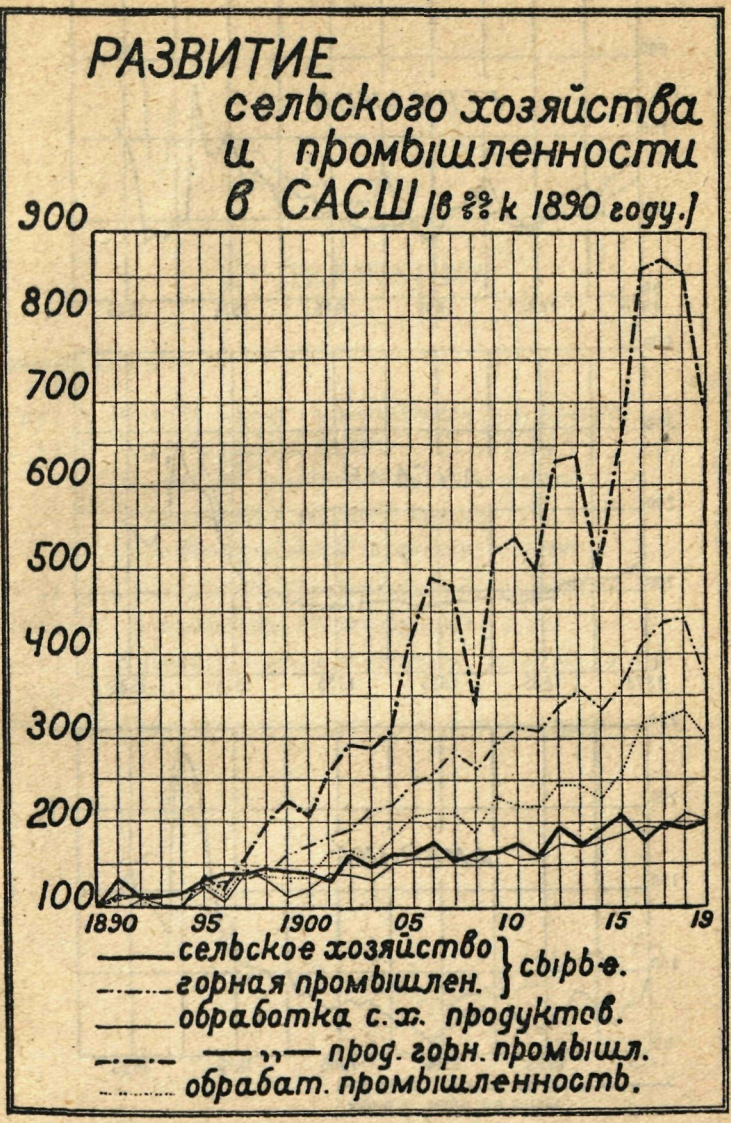
На чем Ленин делал ударение? — На возвращении к патриархальному строю или на том, что кризис вытесняет патриархальный строй? Мне кажется, на последнем. П. И. Л. говорит, что дело сводится к оживлению старых, докапиталистических отношений.

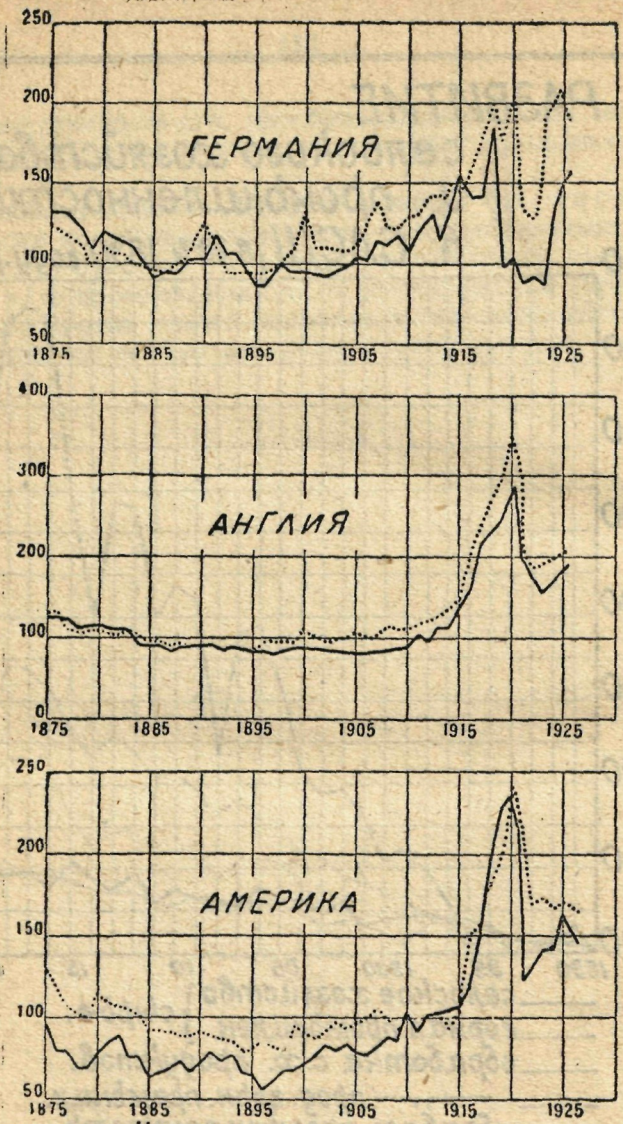
Вместо того, чтобы сказать, что м е с т а м и наступает ухудшение положения, он говорит, что кризис в сельском хозяйстве является фактором совершенно иного порядка, чем в промышленности. Если в промышленности он является основной пружиной капиталистического развития, подымая противоречие на более высокую ступень, ведет капиталистическое хозяйство к все более усложняющимся социальным конфликтам, здесь получается обратная картина: кризис не ускоряет развития, но, наоборот, оно задерживается, получается застой.. Ничего подобного, конечно, Ленин не хотел сказать.

Кризис является одним из крупных факторов социального и экономического развития и в сельском хозяйстве, мы это видим и в настоящий момент, когда

капиталистическое с. х. преобразовывается под влиянием кризиса. Он поэтому и не может продолжаться 20 лет.

Кризис в течение 20 лет означал бы застой сельского хозяйства, несмотря на развитие промышленности. Это означало бы полный разрыв между развитием с. х. и промышленности и опровержение теории Маркса. Против такого толкования сельскохозяйственных кризисов необходимо решительно бороться.


РАЗВИТИЕ
сельского хозяйства
и промышленности
в САСШ (в %% к 1890 году.)
900
800
700
600
500
400
300
200
100
1890
95
1900
05
10
15
19
сельское хозяйство
горная промышлен.
сырье.
обработка с. х. продуктов.
— „ — прод. горн. промышл.
обрабат. промышленность.



Движение цен на с.-х. продукты и пром. товары